

ВАЛЕРИЙ ХУДЯКОВ

КОРАЛЬ

ЧУКОТСКАЯ БЫЛЬ

Валерий Худяков

Кораль. Чукотская быль

«Издательские решения»

Худяков В. Н.

Кораль. Чукотская быль / В. Н. Худяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839263-4

Повесть написана на основе реальных событий, происходивших в 70-е годы на Чукотке, с участием автора. Описаны эпизоды из жизни геологов Севера, частично затронуты проблемы жизни коренного населения — чукчей. Повесть заинтересует романтиков и людей, не безразличных к проблемам далекого российского Севера.

ISBN 978-5-44-839263-4

© Худяков В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Поселки	7
Командировка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кораль Чукотская быль

Валерий Николаевич Худяков

Дизайнер обложки Анна Сергеевна Кутепова

© Валерий Николаевич Худяков, 2017

© Анна Сергеевна Кутепова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9263-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семидесятые годы двадцатого столетия. До интернета и сотовых телефонов человечество к тому времени еще не «доросло». Средствами связи были почта, телеграф, проводной и радиотелефон. Читалось много книг. Еженедельное посещение книжного магазина было делом почти обязательным. За подписками на собрания сочинений известных авторов в магазинах создавались списки очередников, в которых по определенным дням необходимо было отмечаться. Это было время, когда за буханку хлеба платили пятнадцать копеек, килограмм мяса стоил два рубля, а за двести рублей можно было купить довольно приличный мужской костюм. Зарплата рядового инженера на заводе или младшего научного сотрудника института в Москве составляла сто двадцать – сто сорок рублей в месяц. Чтобы накопить средства, например, на приобретение автомобиля, или кооперативной квартиры, многие люди простого сословия уезжали от родных мест осваивать Крайний Север страны, где Государством было гарантировано специальное обеспечение, значительно солиднее «материкового».

Были среди этих людей и такие покорители Севера, для которых районные коэффициенты и другие северные надбавки являлось делом второстепенным. Их основной интерес сводился к открытию и изучению новых месторождений полезных ископаемых, к знакомству с жизнью коренного Народа Севера, к изучению животного мира и климатических особенностей этих территорий, и т. п. Были и те, кто приехали работать на Север просто испытать себя, узнать, «почем фунт лиха». Это были романтики. О таких людях говорили, что ехали они на Север «за туманом».

И те, и другие покорители приезжали в северные края на временное проживание, то есть были самыми настоящими временщиками. Приехали, поработали, и домой, на материк с пухлыми сберкнижками в чемоданах, с новыми знаниями и материалом для диссертаций в рюкзаках, с гордостью за выполненное дело в суровых условиях Севера. Каждое последующее поколение временщиков наивно полагало, что осваивает Север почти «с чистого листа», и, как правило, неохотно ссылалось на дела предшественников.

Стране необходимы ресурсы полезных ископаемых. Для освоения месторождений временщики строили свои поселки и по-своему обживали не всегда пригодные для их проживания территории. Они создали на Северных территориях свою инфраструктуру и стали «хозяевами» этой Земли. Местное коренное население Крайнего Севера было зачислено в разряд «малых народов». По отношению к «малому народу» временщики разработали свои стандарты, и на полном серьезе возложили на себя функции «опекунов». «Подопечные» были объединены в совхозы, в основном, оленеводческие, со всеми прилагаемыми планами, обязательствами и партийной дисциплиной.

Приезжие люди, поработав определенное время на Северах и заработав желаемые дивиденды, уезжали в родные края. На смену им приезжали другие, а подопечный «малый народ» оставался жить на своей Родной Земле, в своей колыбели.

Поселки

Решение об отъезде из Москвы на Чукотку младшему научному сотруднику Московского геологоразведочного института Сергею Славину пришлось принимать, когда находился он во Владивостоке, в качестве участника в научно-практической конференции по методологии изучения геологии угольных месторождений Дальнего Востока, которая проводилась ежегодно, и всегда во второй декаде сентября. В Приморье в это время обычно устанавливается теплая солнечная погода, самая настоящая «Золотая осень», как будто срисованная с обложки букваря, – чистое лазурное небо, необычайно яркое, ласковое солнце, разноцветье хоровода поросших хвойно-лиственным лесом сопок, окруживших Владивосток и нарядившихся как на праздник.

Работая на кафедре горючих ископаемых геологического института в Москве и занимаясь геологическими особенностями месторождений Донецкого угольного бассейна, Сергею всегда мечталось поработать на Дальнем Востоке. Он и раньше бывал в тех краях, будучи еще студентом геологоразведочного института. Проходил практику в геологических партиях, осуществляющих крупномасштабную геологическую съемку территории острова Сахалин и Хабаровского края. Но это была только сезонная полевая работа, примерно с конца мая – по середину сентября. Сергею же хотелось именно пожить в тех местах и поработать в таких сложных условиях, в каких постоянно живут и трудятся геологи и горняки дальневосточных регионов, поработать с «живым» первичным геологическим материалом, добытым им самим в процессе разведки месторождений.

И вот – приглашение от коллег-дальневосточников, участников конференции, на работу в недавно организованную Чукотскую геологоразведочную партию, в качестве инженера-геолога. В перерыве между заседаниями с этим предложением к Сергею подошел главный геолог партии Лагутин Владимир Николаевич. Они были знакомы еще с первой конференции, и с некоторых пор в неофициальной обстановке обращались друг к другу только по имени.

– Приезжай, Сергей, не пожалеешь. Новые месторождения, новый материал, да и работа соответствует тематике вашей кафедры.

Договорились, что Сергей уладит все дела в Москве, и о готовности сообщит, тогда ему будет направлен официальный вызов. Дело в том, что Чукотка являлась приграничным регионом, и без официального вызова въезд на территорию округа был запрещен.

В Москве Славину предстояло провести нелегкие переговоры на работе с заведующим кафедрой и, конечно же, с женой Леной.

Сергей и раньше просился у шефа на один из восточных бассейнов, надоело, как он говорил своим коллегам, ковыряться во вдоль и поперек изученных недрах Донбасса, – там свои институты, свои научные кадры. Коллеги Сергея по кафедре, занимающиеся изучением других угольных бассейнов и месторождений, регулярно публиковали статьи в научных журналах, некоторые из его ровесников к тому времени уже подготовили диссертационные работы. Сергей же был поставлен в такие условия, когда из материала, собираемого его группой на полевых работах, он не мог выжать почти ничего нового. Не рождалось никаких новых идей. Донбасс для него перестал быть интересным.

Но шеф из Донбасса «уходить» не хотел, – он сам «вырос» в Донбассе от рядового шахтера, через рабфак, до известного ученого, профессора, заслуженного деятеля науки. Теперь там, в Донбассе, его ученики. Тем не менее, разговор на кафедре, неожиданно для Сергея, получился благоприятным. Шеф всегда с глубоким уважением относился к специалистам непосредственно на месторождениях, которые, по его выражению, «дружат» с наукой. Вероятно именно поэтому после недельного размышления зав. кафедрой все-таки «благословил» переход Славина на работу в производственную организацию, с уговором не забывать научного

направления и всячески внедрять научные разработки кафедры на этапах геологоразведочных работ.

Неожиданно сложным оказалось объяснение Сергея в семье. Он думал, что запросто уговорит жену ехать всем вместе на Север, но Елена не захотела об этом и слушать, заявила, что никуда не собирается, и что Сергей может лететь один куда угодно. Все равно он по семь-восемь месяцев в году находится на «своих полевых работах», а дома его нет. Жена Сергея Лена не была романтиком, она просто была верной женой законченного романтика. По профессии она была экономистом и работала в статистическом управлении союзного министерства цветной металлургии. Друзья на работе Сергея не могли понять, что могло сблизить этих разных, на их взгляд, людей. Но разных только на первый поверхностный взгляд. На самом же деле Лена с Сергеем, при видимой разнице характеров, по отношению к главным жизненным принципам были «заклятыми» единомышленниками. Они умели разглядеть главное в ворохе жизненных проблем, и старались не размениваться на пустяковые. Как в известной песне: «... умели руду дорогую отличать от пород пустой». Лена с уважением относилась к профессии Сергея и не видела трагедии в том, что ее муж по семь-восемь месяцев в году проводит на полевых работах, и только зимой целиком и полностью посвящает себя любимой семье. Она привыкла к такому ритму жизни.

Две недели Сергею ежедневно пришлось убеждать Лену, что это всего года на три, что приличная зарплата с двойным коэффициентом, и что школа там средняя для Маши есть. Все бесполезно. Наконец, когда Славин в очередной раз затеял разговор об отъезде, Лена все-таки согласилась прилететь вместе с Машей к Сергею, но только когда Маша закончит текущий учебный год, их дочь этой осенью поступила в первый класс, и с условием, если ей самой будет гарантирована достойная работа. И Сергей телеграфировал Лагутину о своей согласии и готовности выезжать.

Вызов пришел в середине февраля. Билет до Анадыря Сергей купил на десятое марта, памятуя о том, что женский весенний праздник он обязательно должен провести со своими родными девочками и сходить поздравить матушку. Мария Васильевна любила устраивать в этот день семейный праздник и всегда ждала в гости сына со своими девочками.

Провожали Сергея в аэропорту Домодедово всей семьей. Мама беспокоилась, взял ли Сережа достаточно теплых вещей, отец, большой любитель рыбалки, просил обязательно сообщить в письме, как там рыбалка. Лена пообещала поддержать сигаретами, Маша дала слово хорошо учиться и не скучать, потому что «скоро увидимся». Сергей улетал, можно сказать, налегке, одежда на нем была осенняя московская – джинсы, слегка утепленная болоньевая куртка, на голове кепка. Из вещей – довольно объемистый, привычный для Сергея рюкзак и небольшой чемодан с необходимой литературой.

Рейс Москва – Анадырь выполнялся самолетом ИЛ-18, отправлением в 12 часов, с промежуточной посадкой в заполярной Хатанге, время в полете 12 часов. Таким образом, с учетом временного пояса, самолет с Сергеем на борту приземлился в аэропорту Угольные Копи в 10 часов утра следующего дня.

Прямо в самолете пограничный наряд проверил документы, и к выходу. Холодное дыхание Севера почувствовалось, как только открылась выходная дверь самолета, и Славин выглянул наружу.

Еще с трапа Сергей заметил стоящего в сторонке от встречающей толпы человека с транспарантом над головой «Встречаю Славина». Человек был одет, как и большинство встречающих, в овчинный полушубок, меховые унты и мохнатую шапку.

– Здравствуйте, Сергей Николаевич, с прибытием на нашу иногда солнечную Чукотку. Я Васильев Анатолий Петрович, можно просто Толя, я старший геолог камеральной группы. Одежда Ваша, мягко говоря, не по сезону, минус тридцать, как ни говори, но ничего, это поправимо, у Лукича на складе все есть.

– Спасибо, Анатолий Петрович, меня можно просто Сергей. Не ожидал такой разницы в погоде, зима лютая, хотя и середина марта.

Быстро добрались до поселка Угольные Копи, по местному «Угольки», контора геолого-разведочной партии располагалась на въезде в поселок, возле самой дороги. Лагутин встретил радостно.

– С приездом, Сережа, очень рад, давно тебя ждем, снимай свою московскую демисезонку, проходи, поговорим.

После короткой беседы за чаем с овсяным печеньем Лагутин провел Сергея к начальнику партии, Герасимову Георгию Тимофеевичу, познакомились. Затем, как положено, с документами в отдел кадров. Лагутин везде сопровождал Сергея, и когда оформление закончилось, он передал его в руки Борисова Владимира Лукича, заместителя начальника по хозяйству, для размещения и соответствующей экипировки. Лукич, как обращались к нему все коллеги, мужичок заметно старше других, с видом заботливого хозяина сходил с Сергеем на склад, помог выбрать подходящие валенки, ватный стеганый костюм – брюки и куртку с капюшоном, и меховые рукавицы.

– Возьми в бухгалтерии аванс, купи себе шапку, в кепках здесь не ходят, – начал свой инструктаж Лукич, – жить будешь на кирпичном заводе, так называется наш геологический жилой поселок, в двух километрах от Угольков, по-нашему «на кирпичиках». Партия наша полевая, поэтому жилье у нас временное, построенное своими силами, или восстановленное из того, что нашлось брошенное. Подождешь, когда люди из конторы пойдут домой, дойдешь с ними, а там спроси, где живет дизелист Иван Киреев, он живет пока один, все ждет жену, а она не едет, будешь жить с ним в квартире. Ну, все, москвич, давай, устраивайся, вопросы появятся – обращайся.

Сергей доложил Лагутину об инструкции Лукича, и Лагутин не стал дожидаться конца рабочего дня, оделся, и сам взялся поселить Сергея, Они вышли на улицу, Лагутин подзвал водителя геофизической машины, тот сходил в гараж и вскоре к конторе подъехал ЗИЛ с красно-желтым геофизическим кузовом, помеченным знаком «радиоактивность». Попутно заскочили на почту, Сергей дал телеграмму Лене в Москву. Минут за десять они доехали до так называемого кирпичного завода, автономного поселения геологов, состоящего из трех баракообразных жилых домов, дизельной электростанции, пилорамы, бани, склада ГСМ и общественного сортира. Располагался геологический поселок в тундре, ровно между Уголками и берегом Анадырского лимана.

Ивана нашли в дизельной электростанции. Навстречу вышел человек небольшого роста, с худощавым смуглым лицом, с глубоко посаженными карими глазами. Вид у него был строгий и одновременно задумчивый, взгляд острый, спокойный. Небольшая черная борода придавала ему не то, чтобы солидность, а скорее, бывалость северянина. Лагутин представил Сергея и объяснил Ивану ситуацию, никаких возражений не последовало, и они вместе прошли в дом.

Сам Лагутин жил в поселке Угольные Копи, он не стал задерживать машину геофизиков, сказал только, чтобы Сергей завтра устраивался, и в контору явился только послезавтра.

– А сейчас знакомьтесь, размещайтесь, отдыхайте. Да, Славин, послезавтра зайти сразу в бухгалтерию, должны начислить тебе подъемные. Спасибо, Ваня, за понимание. Ну так что, жена-то собирается приезжать?

– Да все никак..., – махнул рукой Иван.

– Оставляю на тебя москвича, не обижай его, а с тобой, Сергей, поговорим, когда на работу придешь, всё, мужики, машина ждет, – и он уехал в Угольки.

Оставшись вдвоем, мужики поближе познакомились.

Ивану выделили квартиру в одном из трех домов барачного типа, из общего коридора вход в кухню и далее, в шестнадцатиметровую комнату. Входная дверь из коридора была обита кошмой. В кухне стационарная кирпичная печь с чугунной плитой. За окнами из кухни

и из комнаты на улице висели сумки и сетки с мясом, с рыбой, с пельменями и другими портящимися продуктами. Кухня была укомплектована по северному временному варианту – на стенах самодельные полки, в углу самодельный кухонный стол с тумбочкой и три самодельные табуретки.

Угол жилой комнаты занимал обширный «чукотский шифоньер», представляющий собой одну фанерную стенку от пола до потолка и стороной – занавеской. За занавеской было отделение с полками для белья, и отделение, где на проволочных плечиках висела одежда. Обстановку комнаты дополняли две полутораспальные кровати, самодельный стол, две самодельные книжные полки с десятком книг и транзисторным приемником «Спидола» и еще две самодельные табуретки.

Славин отметил про себя, что в геологоразведке с хорошими столярами дело обстоит неплохо.

На вопрос Сергея о постельном белье, Иван рассказал, что свежее белье находится в бане, в специально отведенном шкафу. Каждый может брать на замену, а для грязного белья там стоит специальный сундук. Комендантша, Ева Мироновна, ездит раз в неделю в прачечную на шахту.

– Вот такой круговорот белья в природе, – заключил Иван.

Когда закончили оборудование жилого места для Славина, Иван поручил Сергею достать из-под стола ящик с картошкой и начистить штук шесть на ужин, а сам в это время затопил печь. Засыпав уголь на разгоревшиеся дрова, Иван достал из-за форточки сумку с продуктами, нарезал мороженого свиного сала на сковороду, и когда сало на сковороде зашкворчало, высыпал туда нарезанную Сергеем картошку.

– Так, Сережа, рыбу нашу красную соленую я тебе, конечно, могу предложить, там в бочке осталось немного с прошлого года, да она тебе еще надоест, икра у меня была, да до тебя не дожила, я хочу угостить тебя другим. Ты сырую рыбу мороженую пробовал? – спросил Иван, перемешивая ножом картошку, когда она стала уже поджариваться, – это блюдо где как называют, у нас, например, строганиной, а на Байкале расколоткой, это когда замороженного омуля или судака обертывают чистым холстиком и разбивают обухом топора, почему-то обязательно на пороге избы. Фильм «У озера» видел? Там об этом есть. Только рыба должна быть обязательно хорошо замороженная, иначе можно заболеть.

– Да я зимой на Севере никогда не был, а летом..., откуда мороженная-то, а у тебя есть, что ли?

– Есть, конечно, да еще какая! Ты, наверное, и не слышал о такой. Чир называется, ребята из Кончалана подвезли, сейчас угощу.

Иван открыл форточку и достал из сетки две замороженные рыбины. Сергею показалось, что они внешне похожие на линя.

– Пусть немного полежат, чтоб не такие твердые были, а то и нож не возьмет, и шкура не снимется.

Он взял из ящика под столом банку говяжьей тушенки, вскрыл ее ловким движением ножа, вытряхнул содержимое в эмалированную миску и поставил на плиту. Затем Иван занялся приготовлением рыбного угощения. Он обезглавил чиров, аккуратно снял с них шкуры, обнажив белое мороженое филе, и нарезал на кубики размером в два кусочка сахара. Получилась полная эмалированная миска белых мороженых рыбных кубиков.

– Теперь немного присолим, и слегка приперчим, – приговаривал Иван, заметно глотая слюни, – ты поставь чайник, пока печка топится.

Славин не успел спросить о наличии воды, как Иван, перехватив его вопросительный взгляд, показал на дверь, – вода в бочке, в коридоре, другой не бывает, только привозная, привыкай, Сережа.

В общем коридоре стояли металлические бочки, окрашенные снаружи и внутри зеленой масляной краской и наполненные чистой питьевой водой. Коридор не отапливался, однако кое-какое тепло из квартир сюда поступало, поэтому бочки насквозь не промерзали, а только поверхность воды покрывалась тонким льдом. На гвозде висели черпак для забора воды и короткий ломик для «взламывания» ледяного панциря. Славин наполнил чайник, поставил его на плиту.

– Ну, давай, Серега, отметим наше знакомство, да твой приезд. Новую жизнь начинаешь, поверь мне, – Иван принес из комнаты бутылку водки, – держу в доме ЭНЗЭ, чтобы не бегать лишний раз в Угольки. А без водки-то как?

Иван снял с плиты сковороду с картошкой, опрокинул на нее миску с разогретой тушенкой и оставил в таком виде на столе, нарезал хлеб, налили водки.

– С приездом тебя, Сергей, молодец, что решил на Север податься, Север – это другая жизнь, только учти, здесь надо быть обязательным и открытым, и тебя полюбят. Закуси сразу рыбой, оценишь.

– Спасибо, Ваня.

Сергей выпил, осторожно взял в рот белый кусочек рыбы, посмотрел на Ивана, – я даже не представлял себе, что может быть так вкусно, – попробовал еще кусочек, – фантастика, тает во рту. Как, говоришь, рыба называется?

– Чир, а вот есть еще вкуснее – это нельма. У нас в Анадыре нельма мелкая, на полтора-два килограмма, не такая, как в Лене, по сорок килограмм, или в Колыме, но вкуснее в таком виде здесь рыбы нет, это точно. Якуты называют это блюдо из Ленской нельмы – «ХЕ», они туда еще мелко нарезанный лук примешивают, вкусно получается. Лука у меня нет. Ты ешь, Серега, да за картошку с тушенкой принимайся, наверно от самой Москвы ничего не ел-то.

Сергей посмотрел на часы, было уже шесть часов вечера местного времени, а это значит, что последний раз он ел более суток тому назад, еще вчера в самолете, перед посадкой в Хатанге.

Мужики плотно поужинали, за чаем поговорили.

– Серж, я схожу в дизельную, там сейчас новая смена заступает, надо посмотреть. Женщины дежурят, с техникой не очень, нужен глаз да глаз.

Иван вернулся через пятнадцать минут, Сергей лежал во всей одежде на своей кровати и крепко спал. Под впечатлением новых обстоятельств он забыл, что не спал уже около двух суток.

Проснулся Сергей только в одиннадцать следующего дня. На теплой плите он нашел теплую еще картошку с тушенкой и теплый, крепко заваренный чай.

– Позаботился, – с благодарностью подумал Сергей. Он с удовольствием позавтракал. – Надо бы осмотреться, – Сергей оделся в выданную Лукичом униформу, оказалось вполне подходяще, и вышел на улицу.

Снег скрипел под новыми валенками, ярко, даже ослепляюще, светило низко висящее над дальними сопками солнце, слабый ветерок слегка обжигал морозом лицо и уши. «Да уж, в кепке здесь действительно не походишь», – вспомнились наставления Лукича.

Сергей накинул капюшон и из-под него стал осматривать ближайшие окрестности.

Он увидел три обшитых рубероидом баракообразных дома, каждый с четырьмя отдельными входами, над крышами которых дымилось несколько печных труб. Между двумя жилыми домами возвышалось небольшое строение, две входные двери которого были расположены на втором этаже, и к ним вел лестничный марш примерно в двенадцать ступеней.

По специфическому звуку работающих механизмов и ошестинившейся куче деревянных обрезков Сергей определил здание пилорамы. Немного поодаль монотонно ворчащими

выхлопными трубами выделялась дизельная электростанция, а за ней строение с высокой печной трубой, по-видимому, баня.

Сергей направился к дизельной, зашел внутрь. В чистом, светлом, но очень тесном помещении работали два дизеля, и шум был такой, что когда подошедший к нему вплотную Иван стал что-то объяснять, Сергей не понял ничего. Вышли на улицу.

– Ну, что, осмотрелся? – спросил Иван, снимая наушники, – сейчас я журнал заполню и приду домой, мне в Угольки надо часам к трем, не сходишь со мной?

– С удовольствием. Слушай, Иван, там между домов строение такое, я вообще-то догадываюсь, что это такое, но почему так высоко-то?

– Правильно понял, это наш сортир, «Ж» и «М», а почему высокий, так кто ж в мерзлоте копает ямы-то – летом все зальет, поэтому здесь, да и на Колыме, ставят бетонные кольца двухметрового диаметра, обычно по два, и на эту высоту поднимают все остальное. Получается выгребная камера, только никто не выгребают, а просто при наполнении закрывают бетонной крышкой, и рядом ставят другие. Я ни разу не видел, чтобы закрывали, обычно хватает. Ладно, Сереж, иди, чайку поставь, я сейчас закончу и приду.

Иван пришел через полчаса, он заметно торопился. Наскоро перекусили. Оказалось, у Ивана были заказаны переговоры с женой на три часа, время поджимало.

Они шли по тропе, отмеченной стоящими бочками и вставленными в их горловины деревянными вешками. По пути Иван показал издали Сергею дальние окрестности – город Анадырь на высоком берегу одноименного лимана, поселок Угольные Копи, растянувшийся километра на четыре вдоль дороги на поселок Шахтерский, мыс Обсервации с большими белыми цистернами нефтебазы. За Уголками – аэропорт со своей инфраструктурой, за аэропортом – секретный военный поселок Гудым, который иногда даже упоминается в радиопередачах «голоса Америки». Сергей узнал, что кирпичный завод здесь когда-то действительно был, в бараках жили работники этого завода. Было только два барака, третий восьмиквартирный дом недавно построили геологи. Иван лично отстраивал квартиру, в которой они живут, в расчете, что скоро приедет его семья.

Почта в Угольках располагалась в специально построенном каменном здании, на крыше которого торчало множество разного рода антенн, и во все стороны расходились провода.

Иван показал дежурной квитанцию, и вскоре его вызвали во вторую кабину.

Связь, видимо, была не очень, потому как Иван говорил громко и как-то обеспокоенно, и Сергей понял, что говорил он не с женой.

Сергей в Москву своим звонить не стал, там в это время все спали и будить было ни к чему, – напугаешь еще, – подумал он.

– Ну, что, Иван, как дела, что-то случилось? – осторожно начал разговор Сергей.

– Жена не пришла на переговоры, Танюшка говорит, мама заболела, да чтобы денег прислал на дорогу. Хотя уже два раза посылал, то одно ей купить надо, то другое. Ладно, завтра сниму с книжки рублей пятьсот, да отправлю.

Пока было светло, Иван успел показать Сергею некоторые достопримечательности Угольков: центральный магазин «Север», дом культуры «Шахтер», ресторан «Чукотка». А вообще-то по сторонам главной улицы Сергей не увидел ни одного внешне приличного здания, одни какие-то халупы, обитые рубероидом, рейками и соединенные между собой деревянным коробом теплотрассы, поскольку все эти дома отапливались от центральной котельной шахты.

Угольки делились примерно поровну на поселок шахты Анадырская и так называемую «пехоту», где располагались воинские части со своим жилым фондом для офицеров и казармами для личного состава.

– Мы в пехоте у солдат тушенку по дешевке берем, ящик пятьдесят банок за двадцатку, прапорщички сами к нам на кирпичики приносят.

На обратном пути мужики зашли в продовольственный магазин, Иван купил хлеба и краковской колбасы – остальное все дома есть. Сергей тем временем внимательно осмотрел витрины и был приятно удивлен ассортиментом. Разница с магазинами Москвы была лишь в том, что кроме столичных, здесь были и некоторые другие продукты, как например, нерка и кета в свежемороженом, соленом и копченом видах, оленина. И все по ценам значительно ниже московских. Не говоря уже об изобилии консервов, разного рода концентратов и сухофруктов.

– Сереж, давай зайдем в промтоварный, – выйдя на улицу, предложил Иван, – купим тебе шапку, она стоит-то рублей двадцать, в кепке как-то не так среди зимы.

– Да мне уж Лукич объяснил, пошли.

В промтоварном магазине Сергей легко подобрал себе шапку из кролика и здесь же спрятал в карман свой московский головной убор. «Ну вот, совсем другое дело». В магазине Сергей обратил внимание на наличие в продаже детских цигейковых шубок.

– Надо бы на осень Машке купить, – подумал Сергей, – или уж когда приедут, пусть Лена решит.

Возвращались другой дорогой, шли не торопясь, Иван решил показать Сергею более короткий путь на кирпичики от конторы геологоразведки. По дороге он рассказал Сергею, что город Анадырь расположен отсюда на противоположном берегу лимана, что ширина лимана семь километров. И что от восьмого причала зимой по льду лимана прокладывается зимник, по нему возят уголь, разные грузы и регулярно от аэропорта до Анадыря ходит рейсовый автобус, но только до середины мая, потом зимник закрывается, дальше вертолетное сообщение, а летом – катер.

Начало темнеть, когда Сергей с Иваном зашли к себе в дом. Иван показал Сергею «углярку» – ящик с углем, и нарубленные деревянные обрезки на растопку, поручил заняться печкой, а сам взялся за приготовление обеда.

Он начистил и мелко изрезал в кастрюлю с водой две картофелины, бросил туда же щепоть сушеного лука и поставил на разгоревшуюся плиту. Тут же на плите появился и чайник.

Сергей тем временем с интересом просматривал купленные на почте свежие газеты. В Москве он редко читал прессу, любил только «Литературную газету», да и ее покупал не каждую среду. Дома Сергею «Литературки» хватало на всю неделю, некогда было читать, только что в метро.

– Интересно, на сколько вечеров хватит мне здесь этой газеты, – подумал он.

Иван добавил в бурлящее варево немного вермишели и вывалил туда же тушенку из заранее вскрытой банки, помешал.

– Почти готово, еще немного покипит, чуть поостынет, и обедаем. Ты выпить не хочешь, Сереж?

– Да вроде бы ни к чему, а потом, завтра, как говорят, в первый раз в первый класс.

За обедом Иван поинтересовался, зачем и почему Сергей уехал из Москвы в эти забытые Богом Угольки, что – то случилось, наверное, в семье. Ему было не понятно.

Сергей вкратце рассказал свою нехитрую историю, как и почему покинул Москву, работу в институте и оказался здесь, на краю Земли.

– Короче, лишний длинный рубль, конечно, никогда не лишний, – закончил свой рассказ Сергей, – но я сюда не за ним прилетел, а скорее «за туманом».

Затем Иван поведал свою историю. Он был на пять лет старше Сергея, и оказался мужиком, повидавшим кое-чего на Северах. Родом он был из Комсомольска-на-Амуре, города, который в числе первых комсомольцев строили его родители, там и теперь жила его мать. Отец погиб в Великой Войне. До переезда на Чукотку Иван пять лет «крутил баранку» большегрузного КРАЗа, а затем и чешской «Татры» с прицепом на знаменитой Колымской трассе, обеспечивая углем Магадан – столицу Колымского края. Жил с женой Светланой и дочерью в поселке ГУЛАГовского происхождения с названием Аркагала.

Три года назад Иван попал на трассе в аварию, сломал бедренную кость. После выписки из больницы стал прихрамывать, руководство автобазы направило на комиссию. Комиссия решила к работе на грузовом транспорте не допускать, но пенсию не назначили, поскольку по протоколу Иван был признан виновником аварии.

Соответственно, автобаза подала на Ивана в суд о возмещении расходов по восстановлению разбитой «Татры». Но суд, Слава Богу, определил стоимость ремонта процентов на десять от того, что насчитали «добрые люди» на автобазе. Пришлось уплатить.

Месяца три слонялся без работы. Хорошо еще Света, жена, работала в управлении Кадыкчанской угольной шахты с приличной зарплатой, в общем, хватало, но не более того. Дочь Таня в четвертом классе тогда училась.

Был у Ивана там, на Колыме, закадычный друг, еще с материка, Толя Мурин. Жил он рядом, в Аркагале, а работал в Кадыкчанской геологоразведочной партии буровым мастером. В то самое время именно из этой партии набирался костяк специалистов во вновь создаваемую Чукотскую ГРП, и Мурина уже поступило предложение. Однажды он зашел к Киреевым.

– Вань, послушай, ну на машине тебе нельзя, а дизель-то обслуживать ты можешь? В новой партии все буровые станки с дизельным приводом. Давай, я поговорю с начальством, дизелистом на Чукотку поедешь? Со мной. Зарплата больше, чем ты на трассе выжимал, а работу с дизелями-то ты знаешь.

Поговорил Иван с женой, та не очень хотела свою работу терять, сухо сказала, «устроиться – приеду».

Иван согласился. Его приняли в качестве дизелиста, и вот уже два года он живет на Чукотке. Жена больше года обещает приехать к нему вместе с дочкой, да все никак. Вызов давно направлен, жилье выделили, а Иван все оставался один.

Утром Сергей проснулся рано, в доме было еще не холодно, поставил чайник на электроплитку. Попробовал разбудить Ивана, но тот, посмотрев на часы, сказал, что спать еще целый час, а на работу к девяти.

Позавтракав краковской колбасой с чаем, Сергей оделся и вышел на улицу. Он решил подождать, когда кто-нибудь из теперешних его коллег направится в Угольки на работу, чтобы попроситься в попутчики. Ждать пришлось около получаса. И вот, из домов стали выходить люди и собираться около огромной емкости, стоящей на краю поселка, с подветренной стороны. Сергей подошел к собравшимся, поздоровался. Представляться оказалось лишним, его узнали, и «за глаза» уже окрестили «Сергея москвич». Подождали остальных и группой человек пятнадцать отправились в Угольные Копи. Снег весело скрипел под сапогами и валенками. За двадцать пять минут попутчики успели порасспросить Славина о бывшей работе, о семейном положении, перспективе вызова семьи.

За разговорами мимоходом Сергей познакомился практически со всем геологическим отделом. Возраст его коллег вполне ему соответствовал – от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Женщин больше интересовали, конечно, семейные отношения, а мужчин, каких было всего четверо, отношение москвича к преферансу и рыбалке. Здесь все «сошлось». В преферанс Сергей научился играть еще в юности, любил эту интеллектуальную игру, а главное антураж, и считал себя игроком неплохим. К рыбалке отношение у Сергея было воспитано его отцом с малых лет, когда отец брал его с собой на Москва-реку, в район Звенигорода. Сергей всегда с теплотой вспоминал послевоенное детство и первую свою удочку, представлявшую собой двухметровое ореховое удище с суровой ниткой вместо лески, поплавком-пробкой и крючком, подходящим для ловли пескарей, коих Сергею удавалось налавливать на быстрых участках по тридцать за день.

Ну, вот и контора. Славин сразу прошел в кабинет Лагутина.

– Здравствуй, здравствуй, Сергей, как отдохнул с дороги?

– Спасибо, разместился, отдохнул, все нормально.

– Проходи, присаживайся, поговорим. Первое, о чем хочу тебя предупредить, Сережа, ты не обижайся, но тебе придется отложить примерно на год вызов сюда твоей семьи. Объясняю по порядку. Мы ведем разведку одновременно на двух основных угольных месторождениях Чукотки – Анадырском и Бухта Угольная. Расположены они, соответственно, в Анадырском и Беринговском районах. Так вот, нам поставили сроки сдачи запасов по первому месторождению – конец текущего года, а по второму – конец 76-го. Вызывать тебе сейчас семью, по моему, не имеет смысла, поскольку через год ты должен будешь переехать на Беринговский участок и уже там обосновываться, работы там «не початый край». Месторождение интересное. Наладишь все здесь и обязательно на недельку туда слетаешь, посмотришь. Это первое. Теперь о главном. Как мы с тобой и говорили во Владивостоке, заниматься ты будешь горно-геологическими условиями эксплуатации и качеством углей первого и второго месторождений. В связи с этим тебе сейчас необходимо в кратчайший срок организовать на нашей базе аналитическую лабораторию и наладить грамотное опробование, в соответствии с инструкциями Госкомиссии по запасам. Помощь от меня любая. Какие вопросы есть, задавай, не стесняйся.

Сергей не перебивал Лагутина вопросами, поскольку тема эта была ему хорошо знакома. Не стал он объяснять и о договоренности его с Леной о переезде.

Для организации лаборатории Сергей попросил изыскать подходящее помещение и поручить столярке изготовление по его эскизам вытяжного шкафа и нескольких лабораторных столов, заметив при этом, что с работой местных мастеров – мебельщиков уже знаком. Главные трудности Сергей видел в подборе подготовленных кадров и приобретении лабораторного оборудования.

Все хозяйственные вопросы были за несколько дней решены без проволочек. Огромную заботу в создании лаборатории проявил Владимир Лукич. Он и помещение подобрал в отдельной постройке, недалеко от конторы, с центральным водяным отоплением. Силами его подопечных плотников и столяров в течение одной недели был произведен внутренний ремонт, построен вытяжной шкаф, изготовлены столы и высокие лабораторные стулья. Но вот когда Сергей попросил сделать к лабораторному зданию тамбурную пристройку, Лукич спросил, будет ли пристройка запирается на замок. Сергей ответил отрицательно, тогда Лукич категорически отказался от строительства пристройки: «Завтра же нагадят». Посмеялись, но пришлось заказать на дверь засов с замком, и «тамбур» все-таки пристроили.

За это время на работу в качестве лаборантов были приняты два инженера-химика, из числа скучающих без работы жен служивших здесь офицеров. Сергею повезло, обе женщины, Лебедева Ирина и Татьяна Бондаренко, были хорошо знакомы с аналитической аппаратурой и химическим анализом. Им ничего не надо было долго растолковывать, они со знанием дела составили перечень всего необходимого и стали комплектовать лабораторию. В поисках оборудования, лабораторного стекла и реактивов им пришлось дважды слетать в Магадан, но уже через полтора месяца все было готово к работе.

Ирина и Татьяна стали подлинными хозяйками в созданной их трудами вполне достойной углехимической лаборатории. К Сергею они относились с уважением и, учитывая его холостяцкий быт, по – сестрински заботились о нем. Девчата часто угощали Сергея то пирожками, то котлетками домашнего приготовления, горячий чай с пряниками был всегда наготове.

Славин полностью погрузился в работу по сбору фактического полевого материала к отчету и изучение соответствующих инструкций Госкомиссии по запасам.

За прошедшие со дня приезда два месяца Сергей вполне освоился в окружающей обстановке, привык к погоде, нашел в Угольках недалеко расположенную столовку и «прикрепился» на обеды. С первой же зарплаты купил себе легкую меховую куртку и другую, подходящую к весеннему сезону, одежду и обувь. Близко познакомился со всем коллективом геологического отдела, да и всей геологоразведки. Большинство членов коллектива партии были семейные. Мужья работали инженерами в отделах, рабочими на буровых, на тракторах и маши-

нах, а жены в конторе – в бухгалтерии, в геологическом отделе, в камеральной группе у Толи Васильева. Проживали все на «кирпичиках», за исключением тех, кто жил раньше в Угольных Копях и поступил на работу недавно, это некоторые трактористы, водители, сварщики.

В одном из домов на «кирпичиках» в трех квартирах было общежитие для холостяков. Жили там не только молодые специалисты, выпускники техникумов, ребята и девчата, но и неженатые мужики постарше. Каждый со своей историей, со своей судьбой.

Раза три за этот период Сергей оказывался «между небом и землей», это когда не видишь не только на чем стоишь, но даже своей собственной вытянутой руки, и идти почти невозможно, а по тундре с грохотом катятся пустые бочки из-под горючки, но ты их тоже не видишь. Пурга. В такую погоду геологи, возвращаясь из конторы на Кирпичики, шли, крепко держась за руки и каждым шагом нащупывая тропу.

Сергей с Иваном жили в согласии. Обычно Иван весь день находился недалеко от дома – или в дизельной, или регулировал движки на буровых, заканчивал работу вовремя, и к позднему приходу Сергея всегда был натоплен дом, и готов холостяцкий ужин.

По вечерам, если Славин приходил не поздно, к ним стали заходить соседи, просто посидеть, поговорить, иногда с бутылкой и, конечно каждый старался угостить Сергея – москвича своей домашней рыбной кулинарией. Сергей впервые отведал мастерски приготовленной корюшки, как в жареном, так и в завяленном виде. Сезон ловли этой сказочно вкусной рыбки на льду лимана еще продолжался, и ажиотаж вокруг этого не утихал. Много разговоров о ловле корюшки происходило вечерами дома у Ивана с Сергеем.

Новые друзья показали москвичу, какими снастями должен обладать ловец корюшки, помогли с блеснами, леской и позвали в ближайший выходной на лиман, «на корюшку». Была уже середина мая, когда в один из выходных дней Сергей в сопровождении троих самых бывалых рыбаков из обитателей «кирпичиков» оказался на льду Анадырского лимана. Выбор места для бурения лунок сводился к наблюдению с помощью бинокля за поведением уже приступивших к ловле групп рыбаков. Если корюшка ловилась, то в группе наблюдалось всеобщее интенсивное «размахивание» руками, означавшее выуживание пойманной рыбки с немалой глубины. Опытный глаз одного из наших рыбаков быстро определил наиболее предпочтительную группу, и друзья направились на место лова. Ошибиться было никак нельзя, поскольку другого места обловить за день не успеешь. Толщина льда в это время составляла около полутора метров, и чтобы пробурить лунку, следовало очень постараться. Ледобур у наших друзей был один, специально удлиненный, чтобы хватило на всю толщину льда. Мужики сняли с себя верхнюю одежду и поочередно брались за работу, и только через два часа лунки для всех были готовы. По оценке бывалых, корюшка «шла» ни шатко, ни валко, тем не менее, за три часа, проведенных на льду, Сергей выловил десятка четыре серебристых рыбешек, остро пахнущих свежим огурцом.

Дома Иван корюшку пожарил и шуткой поздравил Сергея с вступлением в общество ловцов корюшки. За ужином собравшиеся у них гости рассказали, что настоящие любители ловли этой замечательной рыбки магазинными блеснами не пользуются, и что они всю зиму напролет, в строгой тайне друг от друга, изощряются в конструировании и изготовлении собственных латунных и бронзовых шедевров. Рассказали, как один из фанатичных любителей такой рыбалки, гидрогеолог Миша Ткачук, использовал при изготовлении блесен в качестве материала несколько самых простых золотых украшений жены Натальи, а на рыбалке все эти блесны «пооставлял» в лунках. Когда пришла пора признаться, Наталья учинила грандиозный скандал, порвала и сожгла в печке все снасти, а корюшку с этих пор категорически не признает. И рыбалка для Мишки потеряла всякий смысл.

Сергею это мероприятие в целом понравилось, но зима уже уходила, и не было больше у него возможности испытать удовольствие, вываживая из глубины юркую серебристую рыбешку, величиной с вилку или ложку, с запахом свежего огурца.

Среди новых друзей оказалось несколько любителей преферанса, и вечерние посиделки постепенно превращались в расписывание больших и малых «пулек». Большими мастерами карточного застолья оказались бывалые полевики – северяне: старший геолог Юрий Иванович Бекетов, механик Шура Андреев, и Слава Ануфриев, геофизик. Все они кроме Бекетова, прибыли на Чукотку из дальневосточных полевых партий, и им также приходилось коротать в общежитиях, а порой и в палатках, долгие зимние вечера. Так что опыта было у каждого достаточно. Бекетов раньше работал в Анадырской комплексной экспедиции, на золоте, был постарше своих партнеров и повидал на Севере значительно больше. Потому и обращались к нему друзья уважительно по имени и отчеству, как к наставнику, да и вел он себя среди коллег всегда спокойно, солидно. Шура Андреев, наоборот, внешне казался разухабистым весельчаком с разлапистой бородой и небрежно причесанной цыганской шевелюрой. В делах Шура преображался в строгого и ответственного начальника всего движимого и тархтящего имущества геологической партии. Слава Ануфриев, как истинный физик, относился ко всему с точки зрения необходимости и возможности, всегда был спокоен, говорил мало и в спорах поддерживал только правую сторону, не обращая внимания на моменты. Говорил размеренно, взвешивая каждое слово. Его шутки отличались особенной остротой, и всегда были «к месту». Слава постоянно носил очки в металлической оправе, отчего в сильные морозы вокруг глаз у него обязательно появлялись болезненные отметины в виде концентрических окружностей. Каждый раз он давал себе слово поменять оправу, но когда отметины заживали, клятва забывалась до следующего «минус тридцать с ветерком». Все эти бородатые и безбородые покорители Севера отличались огромным чувством доброго Юмора. Никаких обид никто не испытывал, и камней за пазухой не держал.

Друзья – партнеры жили здесь со своими семьями, а где было семейному человеку расслабиться долгим зимним вечером, как не в холостяцкой общаге? Сергею эта компания была по душе, в ней он быстро почувствовал себя равным среди бывалых северян. Ну, почти равным. Старался больше помалкивать и слушать. Ему нравилась подчеркнута доброжелательная атмосфера в коллективе геологов. По будням, если собирались, то обычно обходились укороченной быстрой «сочинкой», а по банным субботам затевали «классику» с тремя стартовыми кругами распасов. В такие субботы друзья – партнеры приходили с «боеприпасами», и в процессе игры в ходу было любимое выражение Шуры: «без буфета не сдаю». Субботняя пуля растягивалась обычно на всю ночь, расписывали только под утро, когда Юрий Иванович тихонько всегда произносил: «Всем спасибо, все по домам».

Иван в своей жизни никогда раньше не касался этой игры, просто не довелось, и теперь отнесся к ней с большим интересом. Наблюдая за игрой «мастеров», он быстро усвоил ее основные принципы и расклады, и с большим удовольствием иногда заменял отсутствующего по каким-либо причинам партнера. Одновременно Иван по-хозяйски следил за наличием на плитке горячего чая и «буфета» на подоконнике.

За преферансом рассказывалось множество историй из жизни на Севере, о проблемах на работе, об интересных случаях на охоте или рыбалке, о встречах с разными людьми.

Вот одна из историй, поведенная друзьям субботней ночью Юрой Бекетовым.

«Однажды, позапрошлой глубокой осенью, когда мороз уже сковал мелкие и средние реки и озера, и первая, а за ней и вторая затяжная пурга побелили сопки и тундру, четверо друзей – работников комплексной экспедиции и любителей подледной рыбалки, выбрались вездеходом дня на три в среднее течение реки Канчалан, притока Анадыря. Утром пораньше выехать не удалось – кто снасти растерял, кому в контору нужно было забежать, да и вездеход утром оказался незаправленным. Выехали поздно, в середине дня. По предгорным тропам, чтобы избежать форсирования речек и озер, часа за четыре добрались до места. Река здесь была шириной метров пятьдесят. Рыбаки присмотрели большой плес между перекатами, нижний из которых еще не замерз, и там над темной широкой промоиной поднимался туман.

Осторожно вышли на лед, убедились, что держит достаточно надежно. «Ну, что же, завтра порыбачим». Разбили пару тарных ящиков, специально для этого прихваченных у магазина, развели костерок, согрели тушенку, вскипятили и заварили чай. Поужинали разогретой тушенкой и чаем со сгущенным молоком. Совсем стемнело, спать улеглись в вездеходе. Хотя теплые спальники были у каждого, никто не осмелился ночевать на открытом воздухе. Мороз днем-то доходил до двадцати градусов, а уж ночью, как выведет, так все двадцать пять, а то и тридцать. За ночь Виктор дважды прогрел вездеход для создания терпимой температуры в салоне. Утром, позавтракав, решили разделиться на две группы. Одна группа – водитель вездехода Виктор Сорокин и старший команды Паша Никитин, отправится вездеходом в нижнее течение реки. Там, якобы, хорошо сейчас должен «идти» чир. А двое других – Сережа Харламов и Николай Мазин, останутся здесь ловить хариуса, это более надежно – хариус, если он есть, берет всегда.

Павел посмотрел на часы, было около десяти, договорились, что часам к четырем Павел и Виктор должны быть здесь. Вездеход ушел, и двое друзей остались только со своими рюкзаками и ледобуром, даже дрова для костра увезли. «Ну, ничего», – подумали, – «еда в рюкзаках есть, ничего больше и не надо».

– Блесну сильно течением сносит, потяжелее надо бы, а у меня другой нет, – пробурчал Сергей, без суеты доставая из лунки очередную добычу.

Часа через полтора клев стал вялый, и скоро вовсе прекратился. Друзья вышли на берег, посчитали хариусов. Оказалось двадцать два крупных, полукилограммовых экземпляра. Аккуратно сложили в штабель, наподобие поленницы дров. Перекусили извлеченными из-за пазухи колбасой с хлебом, покурили.

– Ничего, будем искать, – проговорил деловито Николай и стал бурить и опробовать лунки, подальше от берега, поближе. Первый хариус «клюнул», когда Коля пробурил лунку поближе к верхнему перекату.

– Вот он где, на быстрине, – он выловил из этой лунки еще одного красавца и решил подойти к перекату еще ближе, и только приступил к бурению, как лед под ним с треском провалился, и Николай полностью оказался подо льдом. На поверхности оставались только голова и руки. Все произошло на глазах у Сергея. Он мгновенно понял, что произошло и что нужно делать, немного подбежал и дальше пополз к Николаю, чтобы протянуть руку и помочь выбраться. Но когда до руки оставалось около полуметра, руки Николая заскользили по льду, и с криком: «Ну, все!» Николай скрылся в проломе.

У Сергея потемнело в глазах. Он громко заплакал, даже завыл, заревел и, не успев еще понять ужаса происходящего, с воем пополз на берег. Почувствовав под собой твердую землю, Сергей поднялся на ноги, выпрямился и вдруг боковым зрением увидел в промоине нижнего переката какое-то движение.

– Коля!!! – закричал Сергей и в пять прыжков оказался у промоины, в которой близко от берега на мели барахтался в воде его товарищ. Сергей забежал в воду, оказалось чуть выше колен, Коля сидел на мели по горло в воде и интенсивно дышал, со стоном выдыхая воздух. Примерно тридцать пять метров его протащило течением подо льдом и вынесло на мель в трех метрах от берега.

– Коля!!! Живой!!! Дорогой ты мой!!! Давай, давай, Коля, выходим, выходим – приговаривал Сергей, медленно продвигаясь к берегу в обнимку с Николаем. Вышли на берег, в изнеможении рухнули на снег.

«Что же делать? Дрова уехали в вездеходе, из веток костра не зажечь, одежда на Коле начинает смерзаться, да и сам я весь мокрый, что делать?», – в отчаянии думал Сергей, он посмотрел на Николая, тот сидел молча, закрыв глаза, и не мог даже шевелить пальцами. «Только без паники, главное, без паники», – повторял Сергей, тормоша Николая и согревая своими руками его вконец закоченевшие руки. Он вывалил на снег содержимое рюкзака

и с радостью обнаружил среди всего запасные суконные портянки. Сейчас он переобует Колю, и Коля согреется. Только сейчас Сергей обратил внимание, что Николай без шапки. Он сорвал с себя свою лохматую шапку из собачьей шкуры и нахлобучил ее на мокрую Колину голову, судорожно завязав шнурки от «ушей» у него на подбородке. «Сейчас, сейчас», – у самого Сергея застывали ноги, он встал и начал ходить по берегу. Полные валенки воды. «Хлюп – хлюп», от Коли до кустов и обратно, «хлюп – хлюп».

Вдруг ему отчетливо послышалось, что где-то, еще не близко, звонко залаяли собаки. Беспорядочный лай приближался, и минуты через три рядом с ними на берегу остановилась чукотская нарта, запряженная шестью собачками. Управлял ими средних лет чукча в рабочей кухлянке, без малахая.

– Еттык! – Поприветствовал каюр.

– Господи!!! Откуда ты взялся?!

– Я, отнако, в контору ету ис прикаты, ис стойписся, – спотыкаясь на каждом слове, попытался объяснить чукча.

– Дорогой ты наш! Ты видишь, что человек замерзает, давай быстро его в контору или куда там!

Чукча подошел к Николаю, потрогал его руки, одежду, минуту подумал.

– В стойписсе, – твердо сказал чукча, – исси по слету, сопатька мало, всем нелься.

Они с Сергеем уложили на нарту одетого в «ледяной скафандр», недвижимого Николая, и чукча отправился с ним в свое стойбище.

Сергей и так знал, что ему нужно оставаться здесь. Он должен дожидаться мужиков с низовьев реки. Время было только час дня. Сергей вспомнил про запасные портянки и с большим трудом переобулся. Так-то лучше. Теперь ходить и ходить, и он стал ходить по берегу взад и вперед, с небольшими перерывами, вернее, перекурами. «Как там Коля? Куда увез его этот неожиданно появившийся человек? Хорошо, что течение оказалось быстрым, и Колю вынесло. Нет, это не просто, это не просто. Кто-то помогает...». Он посмотрел на затянутое облаками небо. Постепенно состояние нервов и ног стало приходить в норму, и Сергей на одном из перекуров даже заснул прямо на снегу. Во сне Сергей увидел тот самый пролом, в котором плескался, извиваясь, огромный хариус. Проспал всего минуты две, но успел отдохнуть, только мороз добрался до ушей и, казалось, до самой печенки, пришлось снова ходить. Проходя мимо сложенного штабелем замороженного хариуса, Сергей наподдал его ногой так, что все рыбы, как головешки разлетелись по заснеженному берегу.

Приехали, наконец, Павел с Виктором, лихо спрыгнули с вездехода, окинули взглядом место рыбалки. Сергей не мог говорить, он просто не находил слов с чего начать.

– А где Николай – то? – вдруг спросил Павел, глядя в сторону зарослей ольхи.

– Ты не туда смотри, ты туда смотри, – Сергей показал рукой на темный пролом во льду.

– Что ты этим хочешь сказать? – у Павла расширились глаза и затряслись губы, он только теперь обратил внимание на разбросанные по берегу рыбу и вещи из рюкзака Сергея, – в чем дело-то, ты можешь внятно объяснить? Шапка – то твоя где?

– Да, могу, в общем, Коля где то в стойбище у чукчей. Он провалился под лед, и его увезли отогреть и сушить.

Дальше Сергей рассказал, как все произошло с Колей, как Бог послал им доброго чукчу – пастуха, и что все теперь зависит именно от него.

– Да ты и сам-то весь ледяной, – заметил Павел, – давайте, быстро собирайте всё, что есть, в вездеход и поехали выручать Николая.

Двигаясь строго по следу упряжки, километров через двадцать рыбаки увидели две рядом стоящие чукотские яранги. Возле одной из них хлопотал над бензиновым генератором молодой чукча, лет двадцати пяти. Увидев вездеход, он сам подошел и, поздоровавшись, с небольшим акцентом заговорил с мужиками.

– Вас теловек сейчас спит и греется, совсем плохой был, отнако. Вы заходите, позалуста, – показал он на вход в жилище.

Рыбаки вошли в ярангу, поздоровались с мужчиной и женщиной, сидевшими в ближнем углу, они были значительно старше того, что к ним подходил на улице. Николая видно не было.

– А где Коля-то? – Павел вопросительно смотрел на хозяев.

– Там, отнако, – показал мужчина рукой на плотную занавеску, – он там спит.

Это был один из трех спальных пологов в яранге, предоставленный Николаю, попавшему сегодня в беду.

Осмотрели интерьер. В центре над головами тускло светила электрическая лампочка, в левом углу топилась металлическая печка, на ней стояла довольно объемная алюминиевая кастрюля. В кастрюле варилось мясо. Немудренная кухонная утварь висела на стене у печки, на другой стене была закреплена узкая планка с крючьями, на которых была развешана одежда обитателей этого жилья. Через всю ярангу была протянута сплетенная из толстой лески веревка, на которой сушилась вся Колина одежда. Не увидев стола, Виктор переспросил хозяина, на чем же они едят. Хозяева поняли этот вопрос как желание гостей пообедать, и правильно поняли, поскольку мужики – рыбаки действительно были очень голодны. Только еще больше хотелось друзьям увидеть Николая, живым и невредимым. Сергей, с которого заботливая хозяйка успела снять на просушку почти всю одежду, решил посмотреть, что там за занавеской. И когда он открыл полог и приподнял шкуры, друзья увидели, что под оленьими шкурами спокойно спит их товарищ, а рядом с ним, в непосредственной близости, совсем молоденькая чукчанка. Она буквально прилипла своим смуглым телом к Колиной спине и как бы составляла с ним одно целое. И Коля, и девушка были абсолютно без какого-либо намека на одежду. На вопросительные взгляды друзей ответил вошедший в ярангу молодой чукча: «это моя сестра, она хорошо согреет васево товарисса, тогта он не заполеет». Мужики переглянулись, у них отлегло, теперь можно немного расслабиться.

– Ну, что, где стол-то, давайте обедать что ли, – пробасил Виктор, – мужики, открывай рюкзаки!

Стол в яранге служила круглая деревянная столешница, как будто-бы без дела стоявшая вертикально у стены. Под руководством хозяина ее быстро установили на несколько камней, очень низко, почти на полу. Рыбаки извлекли на стол из рюкзаков две бутылки водки, хлеб, тушенку, колбасу и, в качестве гостинца хозяевам, пять или шесть пачек чая. Хозяйка яранги засуетилась, на стол положила несколько вяленых рыбин – юколы и поставила большую миску с вареной олениной. Поскольку и юкола и оленина были приготовлены совершенно несолеными, прямо на стол, по просьбе гостей, насыпали кучку соли.

За дружеским веселым обедом со всеми познакомились. Старшего хозяина звали Семеновом, по фамилии Нутелькут, хозяйка Анна, молодой хозяин Павел Нутелькут, он же бригадир оленеводов, а дочка Семена, которая отогревала Николая – Надежда. Это только часть бригады. Тот добрый мужичок, который привез сюда Колю, Афанасий, уехал в село Канчалан по делам бригады, другие сейчас были со стадом.

Ребята, дабы не стеснять хозяев, переночевали в вездеходе, там им было привычно и относительно удобно. Сергея нарядили в кухлянку, унты из оленьей шкуры, малахай. Остальная одежда осталась в яранге на досушку. Утром зашли в ярангу, Николай еще спал, а Надя, одетая в красивую меховую женскую кухлянку, хлопотала у стола, старших в яранге не было. Чай был готов, разбудили Николая. Он сначала не совсем понимал, где находится, но в итоге проснулся, и когда Сергей стал рассказывать ему, что произошло, он сначала не поверил, а когда память стала постепенно пробуждаться, на его глаза навернулись слезы. Позавтракали, не торопясь, стали собираться в дорогу. Пришли из тундры попрощаться Семен с Анной. Одежда Николая к этому времени окончательно еще не просохла, и хозяева, как могли, одели бедолагу в свои пастушьи выдавшие виды одежды.

– Однако, теперь Коля не саполеет, польсэ не ныряй, – сказал на прощание Семен, обращаясь к Николаю и отвечая на сердечную благодарность мужиков из Угольных Копей.

Все, конечно, понимали, что Надежда, дочка Семена, таким способом просто отогрела замороженный Колин организм, о таком способе слышали и раньше, тем не менее, с той поры Колю стали в шутку звать «зятёк». Коля не обижается, он смеется и благодарит судьбу за то, что послала этих добрых и мудрых людей, которые буквально «вытянули» его с «того света». И он действительно после этого «купания» даже не закашлял».

На том и закончил свой рассказ Юрий Иванович, добавив при этом, что если кто желает, может познакомиться с Николаем Мазиным – «зятком», он работает в комплексной экспедиции в Анадыре, живет в общежитии. А теперь, всем спасибо, все по домам».

Во второй половине мая погода в Анадыре и его окрестностях становилась все больше и больше похожей на весну. На льду лимана из талой воды образовались целые озера, а тундра стала понемногу показываться из-под снега, освобождаясь от потемневшего к этому времени зимнего покрывала. Около домов появились пуночки, белые хвостатые пичуги, похожие на подмосковных трясогузок. Они стайками с веселым щебетанием перелетали от сугроба к сугробу, как будто сообщая жителям, что весна уже здесь, у порога, что приходит конец власти злой пурги и лютого мороза.

Над тундрой и поселками все чаще стали пролетать на север большие гусиные и журавлиные клинья, буквально на каждой появляющейся в тундре луже располагались на отдых или на летнее жилье маленькие вертлявые кулички и крупные кулики – турухтаны. Небольшие тундровые озерца обживались утками всех мастей.

Скоро открытие охоты на пролетную водоплавающую дичь. По мере приближения даты открытия охоты разговоры на вечерних «посиделках» все больше смещались в сторону обсуждения этого события. Друзья и коллеги из геологоразведки и дома, по вечерам, и на работе за перекурами наперебой рассуждали на тему о гусиной охоте, причастные к ней подсчитывали заработанные за зиму отгулы. Грешили этим и Лагутин, и главный инженер Виталий Тишкевич – главный подвижник организованного выезда охотников геологоразведки.

Из разговоров окружающих Сергей много узнал о «трассах» пролета гусиных стай, о методах охоты «с профилями», и что гуменника пробивает только два ноля, да и то сбоку и по «веслам», а на «казару» хватает и нулевки. В общем, Сергей понял, что гусиная охота является делом чрезвычайно интересным и захватывающим, но заниматься им было совершенно некогда, да и не готов он был – ни оружия, ни снаряжения.

Когда «гусятники» небольшими группами разъехались по знакомым, с прошлых лет обжитым, угольям, охотничий ажиотаж в поселке резко пошел на убыль, но преферансные баталии были на время приостановлены. Возобновились они только через субботу, когда в гости к Сергею пришли друзья – партнеры.

– Ну, Ваня, твой выход! – с порога зашумел почерневший от весеннего солнца на охотничьих просторах Юрий Иванович, держа над головой четырехкилограммовую гусиную тушу, – ставлю на кон одного из четырех добытых мной гуменников, хочешь – жарь, хочешь – парь, но лучше запекай.

Гусь уже был тщательно ощипан, опален и готов к дальнейшему приготовлению, постаралась жена Юры, Ирина.

– Сделаем в лучшем виде, – с азартом ответил Иван и тут же принялся за работу.

Он добавил в топившуюся печку уголька, сходил к «семейным» за большой кастрюлей, натер солью с перцем всю тушку, снаружи и внутри, раскрошил над ней один лавровый лист, погрузил ее в кастрюлю, и втиснул кастрюлю в разогретую духовку. Все это время друзья с замиранием слушали восторженный рассказ бывшего охотника о неповторимых волнительных мгновениях, когда «табунок» налетает на профили, и гуси, «выпустив шасси», начинают готовиться к посадке, а охотник встает перед ними во весь рост и, затаив дыхание, открывает

прицельный огонь. Гусиный «строй» тут же нарушается, и «табунок», резко прибавив скорость, с гоготом беспорядочно покидает зону обстрела, снова выстраиваясь в полете в линию. Далеко не всегда на снегу остаются подбитые гуси, а бывают случаи, когда за истекающим кровью подранком охотнику приходится на километры уходить от своего скрадка.

– Кроме гуменников-то никого не добыл? – Спросил Шура, старательно расчерчивая двойной лист на «классику».

– Казары не добыл, две – три стайки налетали, да было далековато, а уток пропускал мимо, решил, что раз уж гуменник хорошо летит, размениваться не буду, заряды-то гусиные. А у других наоборот, Лагутин с Тишкевичем, например, казары нахлопали, а гуменник у них не летел, Володька Олейник двух «белоголовок» взял, я даже позавидовал.

Уже два часа Иван «колдовал» на кухне, периодически вынимая из духовки кастрюлю и поливая раскаленную гусиную тушу собственным соком. Все это время он в пол-уха слушал свежие охотничьи рассказы, время от времени заглядывая в комнату. Наконец, из кухни донеслась команда: «убирайте пулю со стола, гусь готов!». Аппетитный аромат распространился по квартире, мужики быстро переложили картонную документацию на кровать, Шура помог Ивану разделать отлично запекшегося, румяного гуся на части. Отделив от него и разложив по эмалированным мискам пять вполне приличных аппетитных частей, друзья торжественно перенесли их на стол и заметили, что разделили меньше половины трофея.

– Да это нам с Иваном еще на два дня хватит, – мимоходом заглядывая в кастрюлю, проговорил Сергей.

Слава крупно изрезал на чистый лист бумаги принесенную с собой копченую рыбину, на столе появилась водка, хлеб. «Пуля» этой ночью не состоялась. До утра друзья – партнеры слушали интересные истории в исполнении Юры и Шуры, и под эти истории с большим удовольствием поглощали замечательно приготовленного Иваном гуменника, поздравляли «с полем» и благодарили удачливого охотника, отдавая должное при этом мастерству повара. Утром, когда гости разошлись, Сергей заглянул в кастрюлю, там было пусто.

Весна ускоренными темпами расправлялась с ледяным и снежным наследием долгой северной зимы. Очистился от снега и поселок Угольные Копи, который, как выяснил для себя Славин, вытянулся километра на три вдоль речки Угольной, бывшей, наверное, когда-то рекой, а теперь превратившейся в ручей, шириной не более двух – трех метров. Обнажились и «потекли» зловонными ручейками уличные помойки.

Сергей ходил на работу в лабораторию по улице из десяти типовых двухэтажных домов, расположенной параллельно главной дороге, со стороны «кирпичиков». Это был жилой фонд авиаполка. Вдоль домов здесь был проложен бетонный тротуар, а в конце «красовалась» общая на всю улицу помойка. Зимой помойка росла и ввысь, и вширь, а с наступлением лета растекалась, источая весьма пикантные ароматы. Уборкой улицы занимались солдаты, вероятно из числа наказанных за различные нарушения, было видно, как за их работой наблюдает конвойный. Про себя Сергей назвал эту часть поселка «улицей ароматных небоскребов».

За работой и сопутствующими проблемами Сергей и не заметил, как вокруг «кирпичиков» зазеленела и расцвела тундра. По лиману поплыли огромные ледяные поля, потом поменьше, еще меньше, и к середине июня лиман полностью очистился ото льда. На рейде выстроились первые сухогрузы, началась долгожданная северная навигация. Сергей, глядя на водную гладь лимана, не мог понять, почему при тихой погоде на воде появляются белые «барашки» волн. Но ему объяснили, что это вовсе не волны, а белухи – полярные дельфины, собираются в стаи, готовясь к большой охоте на приближающиеся к своим нерестилищам косяки лосося.

Готовились к «охоте» на лосося и обитатели «кирпичиков». Иван достал из недр «чукотского шифоньера» старую рыбацкую сеть, по вечерам разбирали ее и пытались заделать образовавшиеся в прошлогоднюю путину большие и малые прорехи. Сеть была небольшая, длиной

всего-то около восьми метров, и полутораметровой высоты, но потрепана она была основательно. Сергей взялся помогать Ивану, собственноручно смастерил настоящий челнок, и профессионально вплетал капроновой ниткой утраченные куски. Еще в юности отец научил его плетению сетей, когда для ловли карасей в подмосковных болотах им самим приходилось изготавливать себе небольшие бредешки.

– А больше-то сетка и не нужна, – пояснял Иван, – мы же сетку ставим от берега только на ее длину и ловим рыбу, которая идет вблизи от берега. Пойдем на рыбалку – сам увидишь. Кстати, чтоб ты знал, ловля лосося нам запрещена, никаких лицензий нам не дают, разрешено ловить только аборигенам, рыбнадзор зверствует, даже иногда пограничников привлекает. Мы – вынужденные браконьеры, поэтому рыбачим по ночам, часа по два, в наиболее темное время. Главное в нашей рыбалке – вовремя заметить «облаву» и смыться на «кирпичики». Недели за две можно запросто небольшую бочку на зиму насолить, это кроме ухи и другой кухни.

Рыба «пошла» в середине июля. Как только кто-то принес на «кирпичики» первую кету, Иван засобирался. И не только Иван, в конторе Сергея «поймал» Юра Бекетов и сообщил, что на время хода кеты на преферанс объявляется тайм-аут, и что Шура и Славка предупреждены.

Тут же в конторе Сергея позвал к себе Лагутин и попросил в течение недели связаться с Беринговским участком на предмет организации там лаборатории.

– Ты имей в виду, что со следующего года основные объемы исследований будут именно там, и тебе там работать, так что собирайся и дней на пять к Романову. Заодно ящик документации и ящик бланков отвезешь, в бухгалтерии уже подготовили. Познакомишься, свяжешься с ОТК шахты, у них кое-какая углехимическая лаборатория работает. Короче, сам все увидишь и поймешь. Обрати внимание, как проводят опробование.

На другой день, когда Сергей пришел в лабораторию, его там ожидал муж Ирины, лаборанта.

– Старший лейтенант Евгений Лебедев, – представился офицер, – добрый день, Сергей Николаевич. Ира говорит, интересуется рыбалкой, так я вот пришел предложить Вам порыбачить, так сказать, «под прикрытием».

– Во-первых, просто Сергей и на «ты», а во-вторых, что значит «под прикрытием»? Кто кого прикрывает-то?

– Поясняю, наше подразделение проводит на берегу лимана ночные тактические занятия с личным составом, ставим, соответственно, оцепление, и нужное нам время никого, кроме «своих», к берегу не допускаем, тем более рыбнадзор. Метод надежный, в прошлом году обкатали. Мы блокируем около ста метров береговой линии и спокойно ловим. Если завтра сможешь и есть желание, то милости прошу, к двадцати трем часам на лиман, напротив ваших «кирпичиков». Часа три «повоюем».

– Интересно. Спасибо за необычное приглашение. Работы, конечно, много, но не ночью же. Так что, я думаю, Ваня, мой товарищ, согласится, и мы подойдем. Признаюсь, я лосося еще ни разу сам не ловил. Кого спросить, когда подойдем?

– Солдат остановит, сошлется на меня, пропустит. Ну, все, договорились. Извини, Сергей, мне сегодня в наряд, побегу, до завтра.

Ирина рассказала Сергею, что Женя в прошлом году обеспечил рыбой на всю зиму, была и икра, конечно, но немного, мало самок ему досталось.

– Татьян, а у тебя такой же бедовый мужик? – спросил Сергей, разбирая за столом таблицы анализов.

– Такой же. Только наши на рыбалку куда-то далеко уезжают, рыба тоже есть, и икра. Ну как же, Сереж, жить на Севере, а рыбу как на материке в магазине покупать, что ли, – немного подумала, переглянувшись с Ириной, – мне кажется, правильно наши мужики поступают, мы же

этой рыбой не торгуем. На материке люди овощи и фрукты свежие трескают, а у нас их нет, одни банки.

– Согласен, согласен, будем ловить, и точка, – засмеялся Сергей, – вот что, девчата, через неделю мне предстоит лететь на Беринговский, вы мне подберите, пожалуйста, с собой кое-какую химическую посуду для лаборатории. Я список составил. У нас-то как будто проблем пока нет. Сергей не мог предположить, какой ажиотаж вызовет это его сообщение о командировке на Беринговский. Он еще не знал, какие задачи ему предстояло решать в поездке, помимо основных.

Придя вечером домой, Сергей первым делом сообщил Ивану о необычном приглашении. Иван очень обрадовался и рассказал, как однажды, в прошлом году, у него сорвалась рыбалка, из-за военных ему к лиману подойти не удалось, даже повздорил с солдатами из оцепления. Иван решил, что теперь наконец-то им повезло, и непременно нужно предложением воспользоваться.

Время подходило к полуночи, Иван похрапывал, отвернувшись от света к стене, и Сергей уж собирался укладываться, когда к ним зашли Бекетов с Шурой, не зашли, а скорее, вбежали.

– Серега, просим, конечно, прощения, что мы так поздно к тебе, но ты что же молчишь, что на Беринговский собираешься? Это, брат, не по – товарищески. Лагутин сегодня мне сказал между делом, так мы с Шурой с ног сбились, до сих пор емкости вот искали, – он показал на три полиэтиленовых плоских бочонка с ручками, как у чемоданов, на пять литров каждый.

– Что это? Зачем мне-то они? – не понял Сергей, – и что я с ними должен сделать?

– О, да ты еще и не знаешь, куда летишь! – удивленно пробасил Шура, – Ваня, ты что же не растолковал москвичу, что такое Беринговский для «узников» Угольков и «кирпичиков». Беринговский, Сережа, – это несколько глотков янтарного пива для друзей, в знак внимания, так сказать. Ты что же, не знаешь, что там местный пивной завод работает?

– Даже не помышлял об этом, честное слово. Теперь вот знаю и все уже понимаю. А Иван и не знал о моей командировке, тоже, наверное, емкость мне вручит.

– Обязательно! – восторженно громко произнес проснувшийся Иван, быстро оделся и покинул жилище.

– Если с пивом там все в порядке, обязательно привезу, мужики, только, как я вижу по желаемому объему, придется вам меня встречать.

– Это мы решим, не волнуйся, у нас геофизик свой, баллон – то один ему принадлежит, вот он и встретит, – Юра посмотрел на скомканную рыболовную сетку, которую Иван проверял перед сном, – ну а с рыбалкой как? Рыбка – то идет.

Пока Сергей рассказывал о перспективе ночной рыбалки «под прикрытием», Иван успел куда-то сбегать, и принести емкость, один в один как лежали уже на кухне.

– Та-ак, – многозначительно произнес Сергей, – уже двадцать литров. Но кто считает?

Мужики дружно рассмеялись.

Бекетов отказался воспользоваться «прикрытием» на рыбалке, сказав, что это было бы не совсем удобно, и у него своя, не менее надежная, компания.

На следующий день, пока Сергей был на работе в Угольках, Иван перебрал и аккуратно сложил сеть в предназначенный для этого мешок. Затем на пилораме он отобрал две обрезные дюймовые тесины, и сбил из них длинный, около десяти метров, шест. Один конец шеста Иван разделал под «ласточкин хвост». Закончив подготовительные мероприятия, он до конца дня успел обойти все свои дизельные «точки», и с нетерпением стал ожидать прихода Сергея.

Сергей, тем временем, придя в лабораторию, обратил внимание на две уже знакомые ему полиэтиленовые емкости, стоявшие у его рабочего стола. Не дожидаясь вопроса, Ирина и Таня наперебой стали излагать Сергею «нижайшие» просьбы своих военных мужиков, связанные с его предстоящей поездкой в Беринговский район.

– Ну что делать, Сереж, ведь пиво нам с материка не поставляют, соскучились мужики по нему, вот и цепляются за каждую возможность. Ты прости нас, пожалуйста. Если это тебе трудно, то уж и не надо.

– Что вы, девчата, мне совсем не трудно, конечно привезу, пусть мужики ваши не волнуются, Евгению сегодня на рыбалке сам скажу, – проговорил Сергей и добавил через секунду, – теперь шесть.

Объяснять Сергей не стал, а девчата и не поняли, что означает это «шесть».

Летом темнеет поздно, даже, можно сказать, вовсе не темнеет, а только часам к одиннадцати становится сумрачно, поэтому в этот период трудно бывает ориентироваться во времени, не глядя на часы. Сергей, засидевшись в лаборатории, дома, к великому негодованию Ивана, появился только к половине одиннадцатого. Наскоро перекусив и переодевшись, друзья бодро направились к лиману, волоча за собой длинную доску – шест. До берега было еще метров двести, когда их остановил строгий негромкий окрик: «Стой, кто идет!»

– Солдатик, мы к старшему лейтенанту Лебедеву, – ответил Сергей полупшепотом.

– Проходите, только без шума.

Когда они подходили к берегу, раздалась команда «газы!», всё вокруг встрепенулось, мужики невольно пригнулись, огляделись, за каждой кочкой лежал солдат в противогазе. Шли плановые тактические учения пехоты. Друзья спустились к воде, Сергей увидел Женю, он подошел, поздоровался и рукой показал на место, где можно расположиться с шестом и сеткой.

– В нашем распоряжении два полных часа, потом оцепление снимаем, я думаю, если в неделю раза три, то вполне достаточно, без фанатизма. Старайтесь не курить, или, чтобы не видно было.

Расположившись, Иван приступил к обучению москвича рыбалке по-местному. Он извлек из мешка сеть, попросил Сергея подержать конец верхнего шнура, а сам растянул всю сеть вдоль уреза воды. Потом Иван заправил петлю на конце шнура в «ласточкин хвост» шеста, направил шест от берега и с силой стал толкать его до тех пор, пока сеть не вытянулась на всю длину. Резко отдернув шест назад, Иван вытащил его на берег, а сеть осталась стоять, вытянувшись, перпендикулярно берегу.

– Теперь ждем, – солидно произнес Иван и закурил, спрятавшись в небольшой распадок на берегу.

«Противник справа», – раздалась команда на «поле брани».

Прошло не больше пяти минут, как вдруг сеть задергалась, сначала не очень, а затем больше и еще больше. Уже стал дергаться конец шнура, закрепленный за бревно – плавник на берегу. Иван подошел, со знанием дела потрогал рукой шнур, позвал Сергея.

– Давай выбирать, штуки две есть, давай, давай, – приговаривал он, складывая сеть на песке.

Вскоре, метрах в трех от начала сети, вывалила серебряным боком крупная кетина, через три метра еще одна, дальше еще.

– Вот это да, сразу три штуки! – удивленно и обрадовано полупшепотом проговорил Сергей, выпутывая из сети неподдающихся пленниц.

– Раз на раз не приходится, бывало и по одной, – произнес бывалый наставник.

Снова расстелили сеть, теперь уже Сергей заправил петлю в «ласточкин хвост» шеста, и они вместе шестом снова вытянули сеть на всю длину. Сколько раз пришлось выставлять сеть, они не считали, во всяком случае, в течение полутора часов друзья выловили восемь рыбин и решили, что на сегодня вполне достаточно, больше до дома не донести. Сергей прошел по берегу до места, где ловили военные. Они тоже решили заканчивать, хватит на сегодня. Сергей отвел в сторонку Женю.

– Спасибо большое за рыбалку, очень мне понравилось, я твой должник, пиво будет обязательно, – Сергей засмеялся, – можешь быть спокоен. Одна просьба. Бывает, что мне некогда или уеду куда, что бы Иван без меня мог ходить с вами.

– Какие проблемы, вот мы теперь здесь будем через два дня на третий, то есть в понедельник, пусть приходит, конечно, но только один, ну и поменьше разговоров. Так вы уже домой? Ну, давай, счастливо, пока.

Попрощавшись с военными, «стажер» и «наставник», нагруженные рыбой, медленно поплелись на «кирпичики», волоча за собой свой плавучий тесовый шест.

Наступившим субботним днем Сергей получил урок приготовления свежего лосося. Утром Иван разделал пойманную ночью кету и засалил в бочке, освобожденной от оставшихся двух рыбин прошлогоднего засола. Их Иван пообещал в дальнейшем отмочить и закоптить.

Одну рыбину из нового улова он оставил на текущий день. И вот, когда было покончено с засолом рыбы и икры, Иван взял эту рыбину, очистил от чешуи, нарочито небрежно отхватил ножом голову, и с видом бывалого северянина – рыбака, поучительно бросил Сергею:

– Вот смотри, москвич, как на Чукотке рыбу жарят: брюшки – на сковородку, – показательно, одним движением ножа Иван отделил брюшко рыбы от тушки, – остальное – в форточку!

Последние слова Иван сопроводил характерным движением в сторону окна. Сергей по достоинству оценил и шутку Ивана, и превосходное гастрономическое качество поджаренных лососевых брюшек.

После обеда зашел Толя Васильев с сообщением, что Герасимов на завтра, на воскресенье, заказал «Аннушку» на Беринговский, чтобы его, Сергея, с грузом отправить.

– Так что утром с вещами – в контору.

Командировка

И вот, нагруженный двумя ящиками служебной документации, коробкой с лабораторным стеклом, шестью емкостями под пиво и собственным рюкзаком, Сергей, самолетом полярной авиации АН-2, именуемым в народе «Аннушкой», за номером, как выражались летчики, «четыре пятерки единица», вылетел на Беринговский участок, в одноименный район Чукотки.

Территория района расположена к югу от Анадыря и Анадырского района, в северной оконечности Корякского нагорья, занимает площадь вдоль побережья Берингова моря до северной административной границы Корякского автономного округа. Административным центром района в то время был поселок Беринговский, вытянутый вдоль берега бухты Угольной.

Все районные организации и учреждения находились в этом поселке. Из предприятий главными в Беринговском были морской грузовой порт, районная электростанция, работающая на местном угле, небольшой аэропорт на берегу. Здесь же располагались пограничная застава, районная милиция, нарсуд, прокуратура, головная торговая организация «Чукотторга», школа – интернат для детей оленеводов.

Сообщение с окружным центром и через него со всем миром – только воздушное. Маленький аэродром принимал, соответственно, маленькие самолеты и любые вертолеты. Своего парка летательных аппаратов не было. Во время короткого лета малый воздушный флот летал из центра более или менее регулярно, но что касается других времен года, то из-за погоды можно было «просидеть» в ожидании вылета и неделю.

В период летней навигации в Анадырь можно было иногда добраться катером прибрежного плавания «Инженер Казанджи», курсировавшим между Анадырем и Беринговским с недельным интервалом. В штормовую погоду, не унимающуюся обычно по три – четыре дня, катер в рейс не выходил.

База геологоразведочного участка, куда направлялся Славин, находилась на окраине шахтерского поселка Нагорный, в семи километрах от берега бухты Угольной и, соответственно, от поселка Беринговского. Поселки соединялись между собой добротной автодорогой с твердым покрытием и автобусным сообщением.

Поселок городского типа Нагорный был выстроен компактно, со всей необходимой инфраструктурой, с самыми благоприятными условиями жизни населения.

Работники геологоразведки проживали в домах собственной, временной, постройки, остальное население поселка – в многоквартирных каменных домах со всеми городскими удобствами – центральным отоплением, бесперебойной горячей водой, канализацией. В поселке не было никаких видимых мусорных свалок, все убиралось ежедневно, для чего руководством шахты специально выделялись люди, говорили, что из числа нарушителей трудовой дисциплины, и нужные технические средства.

Всего в поселке проживало около двух тысяч человек. Главный контингент – работники шахты «Беринговской», строительной организации «Бухтугольстрой», сокращенно «БУС», геологоразведочной партии. Остальное взрослое население было занято в сфере обслуживания, образования, торговли, в районных и поселковых административных органах. Работоспособных, но не работающих людей в поселке не было.

В распоряжении жителей в поселке имелся весьма солидный Дом Культуры «Шахтер» с большим киноконцертным залом, библиотекой, различными кружками, практически на любой вкус. Средняя школа и школа рабочей молодежи; отдельно выстроенный спортивный зал, зимний крытый каток с естественным льдом и теплыми раздевалками. Больница с достаточным числом мест, поликлиника с современной диагностической аппаратурой. Внушительных размеров светлая столовая, способная одновременно обслуживать до ста посетителей; три

продовольственных магазина, магазин «кулинария», промтоварный магазин, магазины книжный, хозяйственный, и даже уцененных товаров.

В магазине уцененных товаров предлагались предметы одежды, мебели, домашней утвари, которые за период между навигациями не были реализованы и занимали на торговых складах место, предназначенное для товаров нового завоза. Вещи в этом магазине были уценены порой до смешного – здесь можно было приобрести брюки за три рубля, даже пальто всего за десять рублей.

В поселке размещался так же районный пищекомбинат, в состав которого входили цех по переработке оленины, колбасный цех и небольшой пивоваренный завод – большая редкость на всем крайнем Севере, и единственный на всей Чукотке. Пиво выпускалось неосветленное, разливалось только в деревянные бочки и отправлялось напрямиком в пивные бары обоих поселков.

В Нагорном пивной бар располагался в центре поселка, и ежедневно, с утра до вечера, он был заполнен народом. Никаких столов, а тем более стульев, – кружки с пивом выставлялись на бочки, к пиву нарезалась принесенная с собой вяленая или подкопченная рыба – голец, горбуша, кета, корюшка. Иной рыбы здесь не было. Шахтеры заходили в пив-бар после смены на кружку пива, выпил кружку, и домой, на отдых, а у кого по графику выходной, тот мог постоять и подольше.

Что греха таить, иногда вечерами появлялась на бочках и бутылка магаданского разлива. Водка эта отличалась наипротивнейшим запахом и вкусом, и называли ее «дятловка», по фамилии председателя Магаданского облисполкома (Дятел), другой в продаже не было. Пили водку в баре, как говорили, по-шахтерски. В центре бочки – стола ставили чистую пивную кружку, выливали в нее все содержимое бутылки, затем каждый желающий прикладывался, отпивал сколько хотел и бережно ставил кружку на место. Опустевшую емкость могли наполнить вновь, в зависимости от повода и желания. В поселке все были на виду, и, независимо от места работы, хорошо друг друга знали, поэтому в плане чрезмерного употребления старались не оскандалиться.

В этом баре на бочках обсуждались многие вопросы – будь то производственные, политические, бытовые, отпускные, рыбацкие, охотничьи. Иногда прямо в баре писались заявления на отпуск, на отгул, и они здесь же рассматривались, и на них появлялись резолюции.

Рассказывали, что однажды из окружного центра приехал в поселок главный специалист в вопросах регистрации маломерного флота. Сначала специалист принимал лодочников в гостинице, но как только он посетил бар, туда же следом «переехала его контора», и специалист в течение трех дней, не выходя из бара, прямо на бочке зарегистрировал около сорока моторных лодок и выдал столько же удостоверений на право управления ими.

Перебоев в работе бара не было. Никакая пурга, никакой лютой мороз не мешали поступлению пива и приходу посетителей. Если вдруг пиво заканчивалось до закрытия бара, тут же из числа присутствующих формировалась бригада грузчиков, и через полчаса пять – шесть бочек под аплодисменты и одобрительный гул вкатывались в зал и занимали свои места. Бывало, что выходил из строя электрокомпрессор на розливе пива, и тогда каждый следующий по очереди «накачивал» бочку при помощи ручного автомобильного насоса, предусмотрительно припасенного на этот случай буфетчицей.

Для молодежи, а возраст более половины жителей не превышал тридцати пяти лет, в поселке существовало несколько видов занятия досуга. Огромное значение в этом имело наличие спортивного зала и катка. Регулярно проходили соревнования по всем командным видам спорта. Четыре полных комплекта формы обеспечивали существование четырех хоккейных команд: шахтеров, строителей, портовиков и старших школьников. Зимой матчи между ними проходили каждую неделю.

Спортивный зал по вечерам всегда был занят работой секций или групп здоровья. Здесь permanently проходили чемпионаты района и поселка по волейболу, баскетболу, мини – футболу, настольному теннису. Главной командой поселка и района по всем видам спорта была команда «Шахтер», хранящая в «красном уголке» шахтоуправления практически на постоянной основе все переходящие и не переходящие кубки и другие призы.

Вся жизнь этого небольшого шахтерского поселка, по большому счету, подчинялась единому регламенту, разработанному и контролируемому партийными и советскими органами управления. Однако, многие важные вопросы в поселке единолично решал генеральный директор шахтоуправления Игорь Александрович Щорс. Авторитет Щорса в поселке был непререкаем, с его мнением считались руководители всех уровней, даже самое главное районное руководство, и без его участия не принималось ни одно важное решение в жизни поселка. Щорс был настоящим Хозяином поселка, строгим и справедливым.

Что касалось культурно – спортивного досуга жителей поселка, то главным подвижником и организатором всего, что делалось, была жена и боевая подруга Игоря Александровича неутомимая и всеми высокоуважаемая Наталья Викторовна.

Спустя годы, в поселке Нагорном был установлен гранитный памятник И.А.Щорсу, новые поколения шахтеров и жителей поселка приходят к нему с низким поклоном.

На аэродроме Славина встретил начальник участка. От Лагутина Сергеем о нем было известно, что человек он Севером закаленный. До Чукотки работал начальником геологоразведки в заполярной Воркуте. Там в результате несчастного случая погибла его жена, и он с сыном переехал в Кемеровскую область. Три года ностальгии по Северу, и когда, наконец, сын закончил школу и уехал учиться в Томский «политех», Романов с помощью друзей в объединении «Кузбасгеология» добился вызова на работу в Чукотской партии.

– Здравствуй, я – Романов Анатолий Кузьмич, – представился начальник, – с приездом к нам, в забытый уголок. Все зовут меня просто Кузьмич, меня это не смущает, а ты, я знаю, Сергей Славин, просто москвич, – рассмеялся Романов.

Погрузили все в ЗИЛ-157, кузов которого был наполовину укрыт тентом. Сергей познакомился с водителем, Лёней Мироновым, сибиряком. Свою машину он называл не иначе, как «дилижанс». По дороге Кузьмич вкратце обрисовал проблемы с бурением и обработкой геологического материала.

– Сейчас бурение мы приостановили, по согласованию, конечно, в этом году очень глубоко тундра оттаяла, и перевозки буровых агрегатов практически невозможны, только технику рвем. Трактора тонут по кабину, на перевозках только и успевают друг друга вытаскивать. Но времени даром не теряем, занимаемся собственным строительством, да ремонтом техники. Вот, до зимы должны новую контору достроить, и общежитие человек на двадцать. Кстати, мне сказали, что тебя на наш участок переводят.

– Да, договорились мы с Лагутиным, отчет по Анадырю сдаем, и я сюда. Он говорит, работы здесь много, на несколько проектов, и лет на десять, как минимум. Мне это подходит.

– Я к чему спрашиваю – то, семья у тебя есть или нет, как с жильем решать. Заложили мы дом еще на десять квартир, как раз к весне должны закончить, можно для тебя оставить, пока возможность есть.

– Спасибо, Анатолий Кузьмич, но спешить не надо, все будем решать поближе к новому году, когда отчет подготовим, сейчас пока ничего не ясно. А семья есть, дочка во второй класс перешла.

За разговором Сергей не заметил, как добрались до поселка Нагорного и, проехав сквозь него, оказались на окраине с противоположной стороны. Дилижанс остановился возле дома, похожего на тот, в котором Сергей жил на «Кирпичиках».

– Это у нас двенадцатиквартирный дом, в двух квартирах мы устроили общежитие для бесхозяйных, в основном буровиков. Место для тебя есть, поживешь с ребятами, познако-

мишься. Что будет интересно, расскажут, – Кузьмич повернулся к водителю, – Леня, выгрузи, пожалуйста, рюкзак и канистры Сергея, занеси все к Петровичу.

– С легкой коробкой поаккуратнее – там стекло для лаборатории, – успел предупредить Сергей.

Зайдя в сопровождении Анатолия Кузьмича в квартиру – общежитие, Сергей был приятно удивлен внутренним содержанием неказистого снаружи дома. Холодная и горячая вода, ванна, туалет, канализация, под окнами батареи центрального отопления. Прямо как на материке, от чего Сергей уже успел немного отвыкнуть, живя на «кирпичиках». «Ничего себе полевая партия», – мелькнуло в голове Сергея. В квартиру вошел немолодой крупный мужик с широким смуглым лицом и черной неухоженной бородой.

– Вот и хозяин, знакомься, Дедиков Борис Петрович, буровой мастер, – представил мужика Кузьмич, – а это Славин Сергей, геолог из Угольков, к нам на неделю прилетел, здесь поживет. Покажи, Петрович, где у нас столовка и вообще все, что надо. Я буду в конторе, приходи туда, Сергей, после обеда.

Романов вышел, Борис показал Сергею кровать, на которой ему предстояло ночевать, сказал, что живут они пока вдвоем с Вовкой, его помощником, кстати, тоже из Донбасса, как и он сам. Затем он откуда-то принес свежее постельное белье, и Сергей застелил свою кровать.

– Ну что, на обед? – скорее утверждающе спросил Борис, – пошли, покажу нашу столовку.

Они вышли из дома, и Борис повел Сергея прямо по коробу теплотрассы в сторону поселка. На коробе была настелена транспортерная лента, и идти по нему было как по ровному полу. Оказалось, что этот короб, с перилами с одной стороны, являлся еще и тротуаром между поселком и поселением геологов. Позже Сергей узнает, что это компактное поселение называется «улицей геологов». А Кузьмич дал ему шуточное название «живой уголок». Шли не торопясь, понемногу разговорились.

– Из Москвы, говоришь? А сюда, какими судьбами?

– Пригласили на работу, вот и приехал. В институте раньше работал, Донбасс изучал, захотелось на Восток. Выпало вот, на Чукотку, мне нравится.

– А я как раз с Донбасса, из Днепропетровской области. Да здесь все с Донбасса и с Кузбасса. Хохлы и сибиряки. Мне на смену только завтра в ночь, так что покажу тебе что где.

Борис оказался старше Сергея на пять лет, на Чукотке жил второй год, жена с двумя детьми – подростками осталась в Днепропетровске и, по словам Бориса, не хочет, чтобы дети расставались со своей родной школой до ее окончания, и поэтому на Север пока не собирается.

До первых домов поселка было всего метров двести, прошли здание поселковой бани, два четырехэтажных дома и оказались на площади между жилой пятиэтажкой и одноэтажным зданием с большими окнами – витражами. Это и была поселковая столовая.

В зале свободно стояли больше двадцати столиков на четверых, за импровизированной стеной – раздаточная, в общем, все стандартно. Посетителей было много, но люди не толпились, спокойно двигалась очередь. На первое – к двум видам мясных супов, обязательный молочный суп, два – три вторых блюда, компот и, кто захочет, чеснок, бесплатно. За обед Сергей и Борис уплатили всего по одному рублю.

– Да, столовка здесь хорошая, все так вкусно, не ожидал, – выйдя на улицу, проговорил Сергей, – получается, что в день можно в трояк уложиться?

– Конечно можно, только мы редко завтракаем в столовке, у себя чайку попьем, и хорош. К чаю у нас в общаге все есть – масло, колбаса. Вот сегодня поужинаем дома, сам увидишь. Некоторые, правда, ходят и утром, и вечером. Да и семейные многие здесь едят. По субботам иногда здесь ресторан устраивают, все, как положено – официанты, спиртное, музыка, танцы. Мы с Вовкой ходили – ничего, отдохнуть можно.

В конторе Сергея ждал Кузьмич, поинтересовавшись, как пообедал, рассказал вкратце о планах на разведку. На вопрос о лаборатории Кузьмич показал план строительства новой кон-

торы и пообещал старое помещение частично отдать под лабораторию, но примерно к новому году.

– А сейчас, Сергей, пока у нас объемы бурения небольшие, всего-то две бригады, и материала соответственно, немного, можно обойтись, по-моему, той

небольшой комнатой, за стеной у меня. Сходи, посмотри что есть, познакомься с Зинаидой Ивановной, лаборантом, она все объяснит. Теперь уж завтра, сегодня она отпросилась пораньше, что-то с дочкой у нее. Сегодня отдыхай, Сережа, ребята тебя в бар сводят, соскучился, наверное, по пиву-то.

У геологов все располагалось на одном «пяточке» – и контора, и жилые дома, и гаражи, и склад, и своя автономная котельная.

Дойти до работы – буквально одна минута. Выйдя из конторы, Сергей поднялся на короб теплотрассы и направился к общежитию. Между домами с веселым шумом бегали мальчишки и девчонки, дети геологов, играли в какие-то свои подвижные игры. У каждого из них в руке был тлеющий и источающий густой дым, кусок оргалита – «дымарь», кое – какая защита от назойливых комаров, которые в это время года не давали покоя ни людям, ни собакам, бегущим вместе с ребятами, тоже участвуя в их играх.

Сергей вдруг остановился, очарованный открывшейся далью. Перед ним возникла сказочная картина: далеко, за холмистой цветущей тундрой, на фоне гор раскинулось огромное озеро. Создавалось впечатление, что озеро омывает подножья гор, опоясывающих его с трех сторон, а по берегам, как реснички, зеленеет густая растительность. Рассматривая сказочный пейзаж, Сергей простоял на коробе-тротуаре несколько минут, не обращая внимания на непрерывные атаки комариной рати.

Когда Сергей появился в общежитии, Борис отдыхал после обеда, лежа на кровати. Сергей тоже прилег, да быстро заснул. Проспал он около часа, проснулся от разговоров, Борис вполголоса разговаривал с мужиками, один из них, совсем молодой, Володя Захаров, оказался соседом по комнате, а другой был, уже известный Сергею по рассказам Ивана, Толя Мурин, его закадычный колымский друг. Сергей передал ему привет от Ивана. Мурин в первую очередь спросил, как он живет, приехала ли к нему жена, и, узнав, что не приехала, матерно выругался и вышел.

Через минуту Мурин снова вошел к мужикам и, обращаясь к Сергею:

– Ты передай Ваньке, чтобы он душу свою не рвал. Сучка его Светка, не придет она к нему и Таньку не пустит. Пусть он живет, как хочет, еще молодой, хороших баб вокруг много, на этой свет клином не сошелся. Скажи, чтоб только не спился, здесь это быстро происходит. Короче, Сергей, помоги ему.

Мурин давно предполагал, что Светлана не придет к Ивану. Ему были известны ее «шуры-муры» с горным мастером на Кадыкчанской шахте, когда Иван после аварии лежал в больнице. Ивану, конечно, Мурин ничего не говорил, но слышал, как об этом говорил весь поселок, и только один Иван «ничего не знал».

Видно было, как Мурин сострадал своему другу, но помочь ему ничем не мог, и на его скалах заиграли желваки.

– Мужики, я слышу много разговоров о вашем пивбаре, показали бы, что ли, гостю? – спросил Сергей, – я, правда, не очень большой любитель, но успел соскучиться по кружке бочкового.

Мужики как будто этого и ждали, сразу засуетились, Володя стал быстро переодеваться, и через две минуты все были готовы на выход. Бар находился за зданием столовой в отдельно стоящем доме. Войдя в тесный зал, Сергей осмотрелся и, не увидев традиционных столиков, вопросительно посмотрел на Бориса.

– Все на бочках, – пояснил Борис, – вы с Вовкой и Толиком бочку вон в том углу займите, а я пива принесу.

Володя по-деловому достал из кармана газету, расстелил на бочке, и положил на нее завяленного гольца, а Мурин ловко нарезал его тонкими кольцами. Подошел Борис с четырьмя кружками пенного пива.

– Прошу, господа, отведать нашенского жигулевского.

Сергею впервые довелось попить пивка с красной рыбой. Пиво ему понравилось, на вкус оно отличалось от жигулевского в Москве явно повышенной хмельностью. Мужики с этой оценкой согласились, уточнив при этом, что больше двух кружек пить не следует, а кто выпивает больше трех, тот обычно плохо идет домой. В баре Сергей насчитал восемь бочек, заняты были не все. Посетители, исключительно мужчины, стояли кругами вокруг бочек, бойко разговаривали, тут же курили, два форточных вентилятора с трудом успевали выбрасывать на улицу «отработку».

– Хороший у вас бар, уютный, и пиво хорошее, не зря все хвалят, и правда хмельное, я почувствовал. Видели, сколько со мной канистр приехало? Придется все затаривать, наверное и в самолет-то не возьмут, – пошутил Сергей.

– Да не волнуйся ты, Серега, затарим и погрузим, – весело подхватил слегка захмелевший Володя, – было бы кому тебя встретить.

Во время прогулки по поселку Сергей сказал, что в этот приезд ему нужно посетить углехимическую лабораторию, мужики показали ему, где находится шахтоуправление и ОТК шахты, а там покажут. Прошли к Дому культуры. Удивительно, Сергей неделю назад звонил домой, Лена говорила о только что вышедшем на экраны новом фильме «Офицеры», а здесь на него уже расклеены афиши.

В «живой уголок» мужики пришли часам к восьми.

– Сейчас ужинать будем, Володь, картошки надо начистить на четверых, Толик придет, – распорядился Борис и, обращаясь к Сергею, – у вас в Анадыре рыба пошла?

– Вовсю пошла, мы с Иваном уже рыбачим на лимане, сейчас он без меня там ловит.

Он рассказал о рыбалке «под прикрытием». Друзья выслушали с интересом и военную смекалку оценили высоко.

Борис достал из-под кровати полулитровую банку лососевой икры.

– Икрой, насколько я понял, тебя не удивишь, но по-хозяйски мы должны соответствовать. Сейчас Вовка картошку дожарит, и поужинаем, чем Бог послал. Чай уже готов.

Борис с Володей работали в одной бригаде, и в одной смене. Володя был помощником бурильщика у Бориса, от роду ему было всего двадцать два года, и поэтому даже вне работы он безропотно выполнял все просьбы-поручения своего мастера.

– Не опоздал на бутерброд? – на пороге появился Мурин, – ну, Слава Богу. А то, сам рыбачить не умею, вот и побираюсь по соседям. Хоть чайку-то нальете? – весело засмеялся он, выставляя на стол принесенную бутылку водки.

– Бог подаст, – Володя поставил на середину стола горячую сковороду с румяной, аппетитно поджаренной картошкой, – приступаем, мужики.

Во время ужина Сергей рассказал своим новым друзьям, что после Нового Года его переводят на этот участок, так что им от него «не отделаться», на что мужики отреагировали весьма положительно, а Мурин поручил Сергею прихватить сюда с собой и Ивана. За разговорами прочаевничали долго, улеглись только к часу ночи.

Утром, как и говорил Борис, плотно позавтракали дома, и Сергей занялся своими командировочными делами. Первым делом ему нужно было посмотреть состояние дел по отбору и хранению первичного материала из скважин, затем познакомиться с работой лаборатории здесь на участке и на шахте. Дело в том, что углехимическая часть анализов для геологов выполнялась именно там.

Сначала Сергей направился в геологический отдел. Встретил его старший геолог Кушнир Александр Архипович. Познакомились. Кушнир подробно рассказал Сергею, как обстоят

дела с опробованием и вообще с изучением качества углей на месторождении, а также обрисовал проблемы. Что заниматься всем приходится ему одному, нет специалиста. Затем они вместе прошли в лабораторию, где их встретила симпатичная, строго одетая женщина, лет около сорока.

– Зинаида Ивановна, наш лаборант, – представил ее Кушнир, – а это – Сергей Николаевич, геолог из Анадыря, будет заниматься качеством и газом. Пойду я, Сергей, вы уж тут, я думаю, разберетесь без меня.

Лаборатория представляла собой маленькую комнатку, где помещались только стол с аналитическим прибором, на котором тут же были разложены и таблицы результатов анализов, шкаф для лабораторной посуды и реактивов, и два стула. Правда, сюда была подведена вода и отопление.

Зинаида Ивановна объяснила, что здесь она может выполнять только газовый анализ, а качественный анализ угля, например, определение зольности, за неимением места для аналитических весов, выполняется в лаборатории ОТК шахты. Сергей внимательно просмотрел таблицы газового анализа и для себя отметил грамотное оформление результатов.

– Зинаида Ивановна, Вы давно работаете в этой лаборатории? – спросил Сергей.

– Да нет, всего год, вообще-то я живу в поселке уже восемь лет, до этого не работала. Муж мой работал раньше на шахте, а потом в этой партии, год назад он трагически погиб на охоте, и я осталась с дочкой двенадцати лет. Спасибо Кузьмичу, узнал, что я по специальности химик, и предложил эту работу. Мне нравится.

– Это Вы заказывали стекло через Лагутина? Я все привез, коробка в конторе.

– Вот спасибо, Сергей Николаевич, а то, побилось постепенно многое – и колбы, и краны, я список Кушнiru подавала, а он уже не знаю, кому.

– Ну, хорошо, Зинаида Ивановна, все у Вас нормально, анализ и документация на уровне. Я со следующего года на этом участке буду работать, думаю, мы с Вами поладим. До свидания.

Только Сергей вышел на короб-тротуар, как его окликнул Борис, – на обед пора, дорогой, в столовку идем?

Сергей почувствовал, что проголодался, и, что еще больше, он хочет снова посетить эту замечательную столовую.

– Мне сегодня в ночь на смену ехать, на сутки, – начал Борис, приступая к борщу, – мы там станок раскидали, теперь надо правильно собрать и обкатать, ты когда собираешься домой, в Анадырь?

– Лагутин разрешил дня три – четыре, в общем, я укладываюсь. После обеда сегодня на шахту хочу сходить, в ОТК, договориться на будущее, чтобы «углехимию» нам делали. Из Госкомиссии новые стандарты прислали, которых раньше ни у нас, ни на шахте не было. Теперь марку угля требуют определять по индексу свободного вспучивания, а мы такой анализ наладить пока не можем. Попрошу, пусть попробуют у себя, дело интересное, и для нас, и для них. А почему ты спросил?

– Да мы с Вовкой хотели тебя в верховья свезти, показать природу, нашу рыбалку, ведро ухи сварить.

– Не знаю, Борь, как получится в верховья, а на буровую я с тобой, пожалуй, поеду, посмотрю, как керн хранится, да и вообще, побываю на участке. Кузьмича надо предупредить, чтобы завтра не искал.

– Тогда на шахте не задерживайся, харчей я возьму, не беспокойся.

В шахтоуправлении Сергея познакомили с начальником ОТК. Вместе они прошли в лабораторию, и там обсудили насущные вопросы. Стандарты, как оказалось, на шахте недавно появились, и лаборатория в принципе готова выполнять по ним анализы. Задерживает отсутствие кварцевой посуды для сжигания угля, но это решаемо, сам Щорс, директор шахтоуправления, обещал оказать содействие через министерство. По поводу необходимых анали-

зов для геологов, договорились, что в прежних объемах заказы будут выполнять. Сергей внимательно осмотрел оборудование, сравнил с тем, что имеется в его распоряжении в Угольках. «Особенно нового-то ничего нет, молодцы мои девчата», – подумал Сергей, прощаясь с гостеприимными хозяевами.

В контору он пришел до окончания рабочего дня, успел предупредить Романова и Кушнира о решении съездить на буровую, и рассказал им о лабораторных делах.

– Посмотри, посмотри, как там с керном, вообще, познакомься с участком разведки, скоро тундра подсохнет – перевезем станки, бурить начнем.

«Дилижанс» со сменой отправлялся в семь часов от гаража. Рабочие погрузили в кузов инструмент, разные детали, две бочки солярки, рюкзаки с продуктами на сутки, и расселись сами на ящики. Путь на буровые пролегал по руслу небольшой речки Песцовой, по дну глубокого снежного каньона, образованного быстрым потоком талой весенней воды.

Доехали до буровой Бориса, буровики из предыдущей смены помогли Борису и Володе выгрузить привезенные запчасти и солярку, быстро запрыгнули в кузов, и дилижанс продолжил свой путь.

– Ну вот, располагайся, – Борис показал Сергею на балок для отдыха смены, – а мы с Вовкой разберемся, что к чему, все ли привезли, что надо.

Сергей осмотрелся в балке, потом прошел под специальный навес, где стояли ящики для хранения первичного материала, осмотрел пеналы для угольных проб. Здесь же, под навесом, тарахтел бензогенератор, обеспечивая освещение на площадке, в балке и внутри буровой. На площадке, среди бурильных труб он увидел прибор, предназначенный для отбора газа из угольных пластов при бурении. Видно было, что прибор в нерабочем состоянии, весь покрыт ржавчиной, недостает некоторых деталей. «Давно, по-видимому, не был в работе», – подумал Сергей. В помещении буровой все было завалено большими и малыми деталями бурового станка и главного привода – дизельного агрегата. Борис с Володей наводили порядок в этом ералаше, стараясь, чтобы все было на виду. Сергей открыл тяжелую дверь, заглянул внутрь, мужики его заметили. Борис повернулся к Сергею:

– Сейчас, Сереж, еще минут пять помозгуем и придем ужинать, мы тоже проголодались. Там во фляге вода, поставь чайник на плитку.

Вода в чайнике закипела, и Сергей, пытаясь найти заварку, обратил внимание на закрепленный на стене ящик с дверкой. В ящике оказалась и заварка, и сгущенка, и другие продукты, примерно на месяц жить одной смене.

Пришли мужики. Володя быстро наполнил водой кастрюлю и поставил на плитку, – сейчас макароны с тушенкой заварганим, лучшая еда геолога.

– Тогда, давай поговорим. Борис, скажи, пожалуйста, газовый отборник давно применяли? Я видел его среди труб, разобранный.

– Ты прав, дело в том, что некому заниматься, на это должен быть специальный человек, который регулировал бы его, и газ отбирал. Архипычу одному все не успеть, так что с начала года всего две или три пробы отобрали.

– Теперь вот что. У вас, я вижу, на станках дизельные привода, а кто их обслуживает? Дизелист есть?

– Механик смотрит, но тоже не успевает, а если, как говорят, будет шесть станков, тут не один дизелист будет нужен, а что ты-то забеспокоился?

– Ну, вот друг Мурина, Иван, о котором вчера говорили, мы с ним вместе живем, как вы с Володей. Мужик отличный, грамотный дизелист, может быть действительно его сюда перетащить. Я, пожалуй, поговорю с Герасимовым. Если действительно жена его «кинула», то ему лучше здесь, с друзьями. Я думаю, надо ему помочь.

– Попробуй, конечно, поговори. Захотел бы он сам из Угольков уезжать. Вот что, я забыл вам сказать, что с выездом в верховья у нас облом – лодка на эти дни занята. Но без ухи отпус-

кать тебя было бы не по-хозяйски. У меня другое предложение. Завтра Ленька за нами приедет, мы с ним на машине доедем до второй бригады, а она стоит от села Алькатваам километрах в четырех. Пройдем еще километров восемь вниз по течению, а там в устьях чукчи рыбачат, юколу заготовливают. У них уху и заварим. Как вы на это смотрите?

Володя обрадовано вскочил со скамейки, – конечно, пошли, что тут думать. Продукты у нас есть, чая чукчам из запасов возьмем, дня два до следующей смены там побудем, что в поселке-то делать. Пока погода стоит нормальная.

Предложение для Сергея оказалось очень заманчивым и неожиданным, он все-таки находился в командировке, и лишние день-два ему следовало бы согласовать с Лагутиным. Он высказал свои сомнения, Борис тут же нашел выход.

– Утром к нам приедет Митрофанов, наш бригадир, и с машиной уедет обратно, на базу. С ним можно передать записку Кузьмичу или Кушниру, чтобы они позвонили в Угольки. А вечером Ленька привезет ответ.

– Согласен, правильно, так и сделаем, – согласился Сергей.

После ужина все вместе пошли на буровую, буровики занялись своими делами, а Сергею не хотелось оставаться одному в балке. Ну и просто побеседовать за делом о том – о сем.

– Мужики, – начал Сергей, – вы несколько раз в разговорах упоминали верховья, что это у вас означает?

– Это означает верхнее течение реки Лахтина, – начал рассказ Борис, стараясь в тисках вывернуть ниппель из короткого патрубка, – и второй речки, мы называем ее «гнилушка», обе речки нерестовые. Вот ты говорил, что видел красивое озеро на фоне гор. Так это не озеро, а лагуна Лахтина, в нее со стороны гор впадают те самые речки. Долина у них общая, шириной около восьми километров, а длиной, от берега лагуны до подножья дальних сопков, примерно километров двадцать, не меньше.

– А мне показалось, никакой долины там нет, что лагуна подходит прямо к сопкам.

– Видишь, как обманчиво, сначала все так думают. Так вот, вся долина, заросшая ольхой и ивняком, покрыта небольшими озерами. Осенью на озерах много уток, крохалей, а в зарослях – куропатки, зайцы. Некоторые охотники из поселка лицензии и договора оформили на ловлю песка, там их угодя. Мы стараемся им не мешать, редко зимой появляемся. Только иногда, гольца на ямах половить, да уши настоящей наварить. Там, кстати, два балка по берегам. В них любой может переночевать, есть уголь, одеяла, продукты. А бывает, летом медведь стену ломает, и тогда держись, все разбросает, негодяй. Особенно сгущенку любит, банку рвет пополам и вылизывает. Мы там летом рыбачим на ямах и промоинах. Бывало, нарывались на косолапого, но все миром кончалось. Вот такие у нас «верховья», Сережа. Да, вот еще что, мы вот с Вовкой задумали лодку свою заиметь, с мотором, мужик один на материк собрался, и продает вместе с балком на лагуне. Просит дорого. Ты вот говоришь, сюда перебираешься, так, может быть, мы втроем купим у него все хозяйство, с потрохами. Как, мужики?

– Я, конечно, согласен, крикнул из глубины буровой Володя, – а Сергей-то точно сюда переедет?

– Основные объемы бурения будут здесь, значит точно. Считайте, что я участник. Если вы не против, то и Иван может быть у нас в компании.

– Все, договорились, я позвоню тебе в Угольки, скажу, сколько будет стоить.

Борис посмотрел на часы. Было половина третьего ночи.

– На сегодня все, до восьми можем поспать, – скомандовал Борис, и мужики молча пошли в балок.

Митрофанов приехал на буровую около десяти часов и любезно согласился передать Романову записку Сергея, а результат передать вечером через водителя Леньку.

Вечером, после работы, поужинав, друзья в полной готовности с нетерпением ждали машину со сменой. Подъехав к буровой, Ленка на словах передал, что о двух днях Сергей может решать сам.

– Ну, и замечательно, – прокомментировал Сергей, и все трое живо заняли места в кузове дилижанса.

Ко второй бригаде подъехали к девяти часам, а к десяти друзья добрались до села Алкатваам. Дальше пошли берегом, вниз по течению реки. В ушах у мужиков стоял такой комариный вой, что разговаривать приходилось на повышенных тонах. Лица и руки у них были обильно смазаны репудином, но комары как горох стучали по спинам и прикрытым капюшонами головам, не давали нормально дышать. Что называется, «комар пошел». Идти вдоль реки по заросшему ольхой берегу было невозможно, поэтому в наступившей, но не полной, темноте шли по песчаным косам, переходя с одной на другую по перекатам, зачастую набирая полные болотные сапоги. Тогда приходилось останавливаться на отжимание и переобувание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.